

Семен Ханин, Анна Ханина

Первая зорька

Семен Ханин
Анна Ханина
Первая зорька

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63077398

ISBN 9785005172068

Аннотация

Если уж кого и следует бояться всерьез, так это глупцов. Они, не зная страха, победят в битве, не ведая стыда, оденут царские одежды, не чувствуя ответственности, поведут за собой или станут поучать... Лев загрустил и наконец перестал чихать кошками. Остаток ночи царь зверей и кобра просидели молча, разглядывая звезды.

Содержание

Вместо предисловия	5
Первая зорька	8
Угадай мужа	16
Капитан	28
Идеальные незнакомцы	37
Так победим!	47
Маша и Миша	56
Карты не врут	65
Репутация	76
Дело крылатых	85
Повесть о ненастоящем человеке	95
Дорога к счастью	104
Эрнесто	113
Завещание	125
Ломбард	134
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Первая зорька

Семен Ханин

Анна Ханина

Иллюстратор Эдуард Вердиханович Римиханов

© Семен Ханин, 2020

© Анна Ханина, 2020

© Эдуард Вердиханович Римиханов, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-7206-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

«Какая бывает жизнь?» – спросите вы. Она бывает только такая, и никакой другой быть не может. Вы, как собеседник мудрый и горячий, будете что-то твердить о счастье, любви, будь она неладна, о вселенском равновесии. Я лишь улыбнусь чуть-чуть рассеянно и виновато и, не сказав ни слова, побреду прочь по дорожке к морю, с каждым шагом склоняясь все ближе и ближе к земле. Мне искренне жаль вас, мой юный друг! И преисполнившись этой жалостью к вам, ко всему роду людскому, я тихо уйду, погруженный в свое знание.

Какая бывает жизнь? Над этой тайной бились мудрецы со времен Аристотеля. Разве им было трудно дождаться меня? Меня, Йоника Левандовского.

И да, конечно же, нас родила мама. Она любила нас, как только могла. И однажды, как может сделать самый любящий человек, она ненароком подвела нас к калитке и, крепко обняв, чуть-чуть подтолкнула вперед. Йоник все понял, он никогда не был глупым. Он ушел. Мама отпустила своего утенка, чтобы он вырос и превратился в лебедя. Так устроен мир, так устроена жизнь, если уж вам так важно это знать. Медведица отпускает медвежат, львица гонит из дома свое потомство, так как, оставив их дома, лишит их возможности узнать, какая бывает жизнь.

«Тебе ведь всего пятьдесят!» Я вспомнил, как шел дорожкой из маминого дома, и крылья несли меня, не давая ступить на землю. Первым моим пристанищем было кабаре. Я шел туда снова, плотно впечатывая ноги в брусчатку. Я смотрел по сторонам и думал о том, что вновь могу делать все, что захочу. Но что именно я хочу делать? Это стало чрезвычайно важно, как будто кто-то толкал меня в спину с просьбой не ошибиться и в этот раз. Мне некогда больше ошибаться. Слишком уж многих я не могу подвести теперь. Но более всего я не могу подвести себя. Я только вчера понял это.

Сейчас, после моих слов, ударит музыка, и девочки будут танцевать на сцене. Вы же будете веселиться до утра. И это правильно, ведь еще Аристотель полагал, что жизнь создана для счастья. Будто он не мог дождаться Йоника Левандовского! Но прощаясь с вами, почтенная публика, я, пожалуй, начну с того, с чего начал. Нас всех родила мама. И эта женщина настолько любила нас, что крепко обняв на прощанье, слегка подтолкнула вперед.

Первая зорька

*А я стонал в углу болотной вытью,
Набычась, а потом и подбочась,
И думал я: а с кем я завтра вытью
Из тех, с которыми я пью сейчас?*

В. С. Высоцкий

Авдотья Никифоровна Медницкая, как и большинство сельских бабушек преклонного возраста, вела вполне заурядную жизнь. В свои восемьдесят пять она не предавалась праздности, к ее ногам не подкатывалось ласковое море, и рядом не шуршал белоснежный песок. Первая зорька привечала с утра и звала за собой. У жителя деревеньки всегда найдется труд – прохутился ли дом, задать ли корм буренке, окучить картофель или собрать колорадского жука.

Коровка у Авдотьи была честь честью, только молоко было горькое до жути, и пить его было невмоготу. Уж чего только с ней не пробовали, а все даром. Но расстаться с буренкой хозяйка не решалась и кормила ее по мере своих сил.

Пенсию, надо сказать, платили в аккурат, токмо Авдотья уж просила почтальона ее и вовсе не нести – напрасный труд. Он ее в дом, а Никифоровне потом пешком на почту шагай, дабы за все коммунальные платить. Там копейки лишней не останется, еще и должен будешь. Оттого и просила Авдотья сразу ее довольствие на платежи пускать, а коль

чего не хватит – не обессудьте. Держава дает, держава забирает. Нет такой возможности, такого закона, чтобы у старухи больше, чем есть, забирать. Не военный коммунизм, поди.

Сама-то Авдотья продрозверстку не застала, родившись в тучном 1935. Вождь всех времен и народов товарищ Сталин 17 ноября 1935 года на первом всесоюзном совещании стахановцев сказал: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Именно под его знаменитую речь и родила Авдотью мама на свет. Знаменуя такое событие, главврач больницы хотел назвать малышку Стахановкой либо Жиставелиной (от жить стало веселее), но в раздумьях сиих спился и мысль свою не донес. А потом уж и поздно было.

Жила Авдотья Никифоровна плодами трудов своих. Ее одинокая спина виднелась с утра до вечера над нарезком земли. Прерывалась она только водицы попить да естественные надобности справить. Пищу берегла для ужина. Лежебока и плут завтракает да обедает, да глупости это все, они потом и трудиться мешают. А вот вечером, когда солнышко легло на бочок, оно и не грех чего-нибудь пожевать – в топку бросить. Да и много ли старухе надо? Возьмет редиску и хлеба кусок, солью все сдобрит – самая здоровая пища, здоровее не придумаешь.

Тогда, в феврале 1956, когда Авдотье еще и двадцать один не стукнуло, она слушала речь товарища Хрущева на XX съезде и плакала невесть отчего. Отца перед войной забрали в лагеря как ведущего агронома, а значит, и врага народа, ра-

зумеется. Чтобы спасти дочь, мама Авдотьи от мужа отреклась. А с первых дней войны ушла санитаркой на фронт – так и позор смыть можно, и дочке паек раздобыть. Сгинули оба. А как оно сиротинушкой жить? Кто позавидует? Девушка жевала редиску с кусочком кукурузного хлеба, и слезы вместо соли обильно сдабривали еду. Выходит, зря ирод родных ее погубил, жизнь искалечил.

Но редис и молодость сделали больше чудес, чем бывалый волшебник в доброй сказке. И наплавав не более положенного, Авдотья вышла в расцветающий мир, куда зорька ее так звала и манила. А сейчас соль каменная, настоящая. Если ее истереть да присыпать хлебушек – такое милое дело! За соль Авдотья была благодарна, ведь не наплакать ей уж больше, чтоб еду посолонить. И глаза высохли, и сил тех нет, девичьих.

Сейчас и молодые не плачут вовсе. Так, расстраиваются. Наука плакать ушла вместе с ситцевыми платьями и бесформенными пиджаками вверх. Теперь плакальщиц нанимают, деньги им дают. Авдотья Никифоровна пошла бы к ним в артель, все ж не с утра до ночи спину гнуть. Тем паче, за раз можно было чуть не вторую пенсию в руках унести. Но сколько ни пыталась она зареветь, глаза оставались сухими, как песок. Оттого, постояв на поминках (а на свадьбы ее не звали уже очень давно), она подходила к поминальному столику съесть какой пирожок да запить его горячим чаем и брела восвояси, к дому. С некоторых пор Авдотья ста-

ла бояться оставлять его подолгу без хозяйки. Хоть и красть было нечего, но могли так, просто из баловства испортить или порушить, а в ее-то годы чинить – труд не по силам.

Паша прибился к деревне Авдотьи Никифоровны пары недель не прошло. Парень лет двадцати был худ, застенчив и постоянно затравленно озирался, будто выглядывая погоню. Было видно, что Паша был бит не раз, и глава села хотел сдать его участковому, как личность темную и непонятную. Но на Пашкино счастье, он в первый же день излечил буренку Авдотьи, просто погладив ее по спине. Та совсем по-собачьи лизнула его прямо в лицо, а к вечеру баловала хозяйку невиданно вкусным свежим молоком.

Диву даешься, как без всякого интернета восточка облетела все дворы. Глава села нашел по такому случаю старый сарай и выделил его Паше под временное жилище. «Живи, – мол, – что уж там». Только как ни крутились вокруг Пашкиного сарая жители деревни, новых чудес он не творил. Выходил с утра на работу с мужиками и вечером возвращался назад, падая от усталости. Потихоньку отъевшись, он стал больше похож на человека и даже порой был причиной драки деревенских девиц. Но натура у Паши была крайне робкая, и при первой тревоге лицо его принимало такое испуганно-затравленное выражение, что бить его было жалко, а девки ложились с ним разве что из жалости.

Прижился бы Паша в деревушке местным дурачком, если бы не второе чудо. Марфа, что чаще других жалела его

и жаловала, вдруг упала посреди двора без сил, с лица вся сошла. Местный аптекарь развел руками и велел слать за попом. Уж не знаю, как, но Паша Марфу рукой погладил, как буренку Никифоровны, и к приезду попа девушка была здорова и так аппетитно-соблазнительна, что даже бывалый попойкнул и затребовал медовухи для внутренних нужд.

Такое жители деревни терпеть уж более не могли и затребовали Пашу для разговора. Его обступили со всех сторон. Под общий одобрительный ропот Глава отвесил парню крепкую оплеуху, дабы сделать разговорчивее, да и сговорчивее, поди. Мол, что ж ты, мил человек, чудесам обучен, а дар свой от народа скрываешь? Это ж сколько дел мы могли с тобой переделать, ежели б ты поразумнее был! Паша молчал и даже пытался пустить слезу, но народ стоял на своем и был справедливо обижен. Решили его привязать к сараю на длинную цепь, дабы не сбежал засранец со своими чудесами в придачу. А к утру, поди, одумается, подобрееет.

Ночью к Паше пришли Марфа и Авдотья. Авдотья напоила его молочком и ушла поскорее, чтобы не мешать Паше изливать слезы в Марфин подол.

К утру народ вновь собрался к сараю и был уже крепко выпившим, а оттого злым и серьезным. Марфа вытолкала Пашу наружу, пояснив, что может тот сотворить чудо для каждой твари и человека лишь единожды. Но за чудеса свои он чаще всего бывает бит, вот и боится снова впасть в людскую немилость. «Что ж мы, ироды какие, – заголосили ба-

боньки. – Ану снять с мальчика цепь! Не звери ведь! Давай, родимый, делай свои дела. Мы с тобой все дворы обойдем, ты каждую тварь, что в заботе нуждается, излечи. А уж людям сделай то, чего просят. И живи с нами дальше, никто тебе слова не скажет. И сарай за тобой останется. И Марфа, гляди, за тебя пойдет».

Марфа краснела, но Пашиной руки не выпускала. Вышагивая важной персоной, она шла и шла с ним от хаты к хате. Последним обозом зашли к Авдотье Никифоровне. Корова, увидав Пашу, с порога кинулась лизать уставшее, измученное лицо. Никифоровна припасла молочка. Она долго с любовью смотрела, как Паша жадно пил большими глотками, на его тонкие дрожащие руки, и думала о своей навсегда ушедшей судьбе. «Ты, сынок, сделай так, чтобы я плакать вновь могла. Нам с кормилицей вдвоем тяжело. А так я плакальщицей пойду, глядишь, и проживу сытую старость». Паша погладил Авдотью Никифоровну по спине, и слезы брызнули у нее из глаз. Она плакала, как не плакала со времен ареста отца, заливая скатерть слезами.

С трудом поднявшись, Паша вышел во двор и, опираясь на Марфину руку, проследовал прямо в сарай. Он сразу уснул, едва коснувшись сена, а Марфа легла рядом с чувством выполненного долга перед селом и Пашей, ее будущим супругом.

Первая зорька привечала с утра и звала за собой. У жителя деревеньки всегда найдется труд – прохудился ли дом,

задать ли корм буренке, окучить картофель или собрать колорадского жука. Но сегодня, бросив свои дела, жители деревни били пойманного Пашку. Благо, Марфа спала чутко и почти не прогавила бегство чудотворца. Павел затравленно смотрел на людей, отвечая на каждый удар лишь мотанием головы из стороны в сторону. Марфа гордо стояла в сторонке, чуя себя второй день кряду главной персоной.

Последней притопала Авдотья Никифоровна. Заплаканное лицо ее исказилось таким неистовым гневом, что мужики пятились, уступая ей дорогу. Искривленные узлами старческие руки плотно держали палку, что вновь и вновь опускалась на Пашкины кудри. Мальчик выл под ударами, а Никифоровна плакала и рыдала, вспоминая сына, оставшегося на далекой Афганской войне, мужа, не пережившего аппендицит в районной клинике, ушедших мать и отца да приевшуюся редиску с соленым хлебом.

Угадай мужа

Самурай изваял Буратино в саду,

Подивился его красоте и уму.

Мир прекрасен.

Почти хокку

Один раз в жизни, но надо. Кто его знает, что ждет нас за финальной чертой. Жаль уходить, не собрав на мольберт все краски мира. Я, конечно, не Леонардо да Винчи и не Сальвадор Дали, но отчего-то страшно не успеть. Может, я просто трус, и меня пугает это дикое слово «нет»? Это даже не смерть и не болезнь. «Нет» – это как будто ластик школьника стер неудавшуюся букву, оставив кляксу на прежнем месте. Пожалуй, именно поэтому я перестал есть все мясное, и не ловлю рыбу с друзьями, как ранее водилось. Я больше не хочу забирать чью-то жизнь, в самом дальнем закоулке души вскармливая надежду, что и меня повелительным перстом не скинут с шахматной доски, а будут играть, играть, играть, пока льется вода, и паруса стонут от ветра.

Верить или не верить в жизнь после смерти – дело личных убеждений. Но сейчас, пока я в игре, чертовски хочется собрать в свою копилку побольше разноцветных монет: ярких впечатлений от подаренного нам мира. Стоя у врат, буду ли я вспоминать о цветных монетах? Рано или поздно

узнаю, как и все мы. Ну, а пока – на самолет в Японию. Чтоб пролететь полмира и ступить на землю восходящего солнца. Выйдя из самолета, я ступлю как космонавт на Луну и топну по Земле что есть мочи, дабы отпружинить от тверди. Мы, хоть на миг, разлетимся в разные стороны, и мой вклад ускорит вращение нашего Шарика.

Но прилетел я изрядно уставший, и прыгать не стал. Буднично пошел проходить формальности, так и не ощутив прибытие в Японию. Расстроился. Я представлял себе все как-то торжественно, а не будничную суету аэропорта. Вышел, поймал такси и поехал в гостиницу. Страна невиданной электроники на первый взгляд оказалась обычным совком, чем-то похожим на современную Беларусь. Культ личности, и очень много ручного труда. От растерянности я не мог найти себе места. Унитаз, извините, у них сам крышку поднимает, зато жетончики на вход выдает один человек, а сидящий рядом второй собирает их на выходе. Где обещанные чудеса? Пробка за пробкой я пробираюсь глубже.

Буддистские храмы соседствуют с синтоистскими. Тысячи храмов полны людей и кажется, Япония – самая набожная страна в мире. Молятся тут всем подряд, смешивая традиции и обычаи разных стран. Вот статуя «медицинского» Будды. Стоит приложить руку к больному месту у себя и к такому же органу у статуи, и болезни как не бывало. А я расчувствовался, как тряпка, чуть нюни не пустил. Вот оно – три года без мяса. Мне стало жалко Будду, которому мно-

готысячная толпа отдает свои болезни, закусывая на выходе из храма восточными сладостями. Не знаю почему, но тут же услужливая башка нарисовала ассоциацию с Христом. Иисус страдал за наши грехи, и Будда отдувается по полной. Я оставил подношение и просто погладил божество. «У меня ничего не болит, я здоров как бык», – сказал я ему и вышел на улицу.

Улица, надо отдать должное японцам, необычайно чиста. Здесь нет урн, и никто не бросит бумажку на асфальт. Каждый доносит мусор до дома, где сортирует его, и только потом выбрасывает. В Японии «золотая неделя». Праздники мая совпали со сменой Императора. А император здесь божество. Он, точнее, его предки, были рождены от богини солнца Аматэрасу. Сами японцы произошли от свиты богини.

Все остальные на Земле – от обезьян. «Ха», – сказал я им про себя. Любой народ считает себя лучшим и Богом избранным. Мне не привыкать.

В общем, божество передавало власть сыну. Эпоха достижения мира и стабильности сменилась на эпоху мира и процветания. Меня рвало на «хомячки», я вспомнил о переходе в СССР от социализма к развитому социализму. Старый император отдавал власть 30-го апреля, когда последний цветок сакуры должен упасть на землю. 1-го мая – новый бог в Японии и новое летоисчисление. Нулевой год от восшествия на престол. Старый действительно стар. «Я опозорю

Японию, – начал он, – если буду исполнять свои обязанности недостаточно хорошо». Мой проныра – русскоговорящий гид – вытер мне слезы, поведав о предстоящей в Японии Олимпиаде-2020. А если действующий император уходит в мир иной, то это траур на год. Вот и попросили старика власть имущие уйти подобру-поздорову, чтоб не ставить под угрозу их вложения в будущий спортивный праздник.

Я зло рявкнул на гида, чтоб он не лез своим свиным рылом в калашный ряд. Тот присел от неожиданности и замолчал, обиделся. «Ну и ладно», – подумал я, хоть и пальцами ощущал его правоту. Кстати, в Японии преступность есть, а воровства нет. Оставленные чаевые будут бежать за тобой вместе с официантом, пока ты их не заберешь. Надул меня за десять дней только проныра-гид, что вещал мне о том, как он «объяпонился», при каждом удобном случае. Жить в стране, где воруют только иностранцы, как-то непривычно, и вызывает неподдельное удивление. Чем это они достигли? Религия, страх наказания или действительно произошли от богов? Новый храм. Многорукая и многоликая богиня Каннон. Буддизм – это в целом-то и не религия вовсе. Учение, я бы так сказал. Есть шесть миров, и человеческий – один из них. Просветление – состояние, достигнув которого, можно перейти в мир лучше и совершеннее, навсегда покинув череду бесконечных перерождений. Но просветленный не обязан уходить из нашего мира.

Богиня Каннон, например, не ушла, а осталась с людьми,

чтобы страдать и помогать страждущим. Лицо ее сурово, так как далеко не каждое желание должно быть исполнено. Она смотрит на нас, как на разбалованных детей, утирая одному соплю, другого шлепая по загривку. Все для пользы, разумеется. И вновь – можно передать ей свои болячки. Глядя на то, как выглядят пожилые японцы, могу с уверенностью сказать – система работает. Я отдавать болезни не стал, зато спустился к трем источникам богини. Из ее рук изливаются здоровье, долголетие и мудрость. Выбрать можно только один раз и что-то одно. Стоит заметить, что здоровье там не ровня долголетию. Можно жить долго, страдая от болезней. Можно рано уйти, но до последней секунды быть здоровым.

Сбросил срочный вопрос в социальную сеть. «Помощь, срочно, плз.» Больше всего советовали мудрость. Ее, родимую, и испил. Отойдя от источника, я вспомнил о добром волшебнике Гудвине, Элли и ее друзьях. «Как удивительно перекликаются наши истории», – тут же подумал мудрый я, и затребовал у гида зеленые очки. Тот непонимающе глупо улыбался. Супруга говорит, что выпила здоровья. Но после посещения Нары, где олени бродят, как люди среди людей, она верно подметила, как удивительно схожи Нара и Нарния. Ой, чует мое мудрое сердце, что дурит меня. Видно, зачерпнула ковш мудрости. А может, это я раньше был глуп и не замечал ее ума? В общем, на одно ведро мудрости приходится три ведра мыслей.

А мысли мои о Японии. Почему талончики на парковку продают три человека, а скоростной электричкой, что как стрела пронзает Японию со скоростью 300 км в час, отправляясь чуть ли не каждые 15 мин, управляет компьютер? Гид рассказал, что сейчас строится дорога для поездов на магнитной подушке. Должны успеть к олимпиаде. Те будут летать километров семьсот в час. После этой информации я написал письмо нашему министру инфраструктуры, что он чудак. Может, ему и писали об этом раньше, но маслом кашу не испортишь. Гиду же я рассказал, что, на мой взгляд, Япония переживает острый кризис. Роботы выталкивают людей с рабочих мест, и правительство вынужденно придумывать им ненужный труд. В противном случае роботы заменили бы большинство, и людям нужно было бы платить просто так. А сие крайне пагубно. Свободное время в таком объеме вредит, даже если ты произошел от богов. Тот слушал меня, открыв рот, и восхищался моей мудростью. Видать, впрок пошла водица.

Тем самым временем – очередной храм. Вот сад, где сидел самурай и любовался красотами мира. Созерцая сад камней, можно услышать, как говорят валуны. Это они настоящие жители Земли. Просто мы очень быстры и крайне мало живем, чтобы заметить это. Мы, как бактерии, приходим и суетимся, принося гораздо больше вреда, чем пользы. Они живут и властвуют над веками. И в этом саду самурай сидел, не двигаясь, часами, чтобы услышать хотя бы звук, произне-

сенный настоящими обитателями Земли.

А вот клинок самурая, который он запросто мог опробовать на любом случайном прохожем, дабы оценить работу кузнеца. Как это уживается в одном человеке? А легко! Японец с детства не верит в смерть. Верить в смерть – как верить в Бабу-Ягу. Мы просто переходим между шестью мирами и возрождаемся вновь. Главное – не совершить недостойный поступок, не испортить карму. Возродиться ведь можно и в лучшем, и в гораздо худшем мире, чем живешь сейчас. Чем не аналогия с привычным нам раем и адом? А что есть достойный поступок для самурая? Тут, как говорится, Восток – дело тонкое.

Я вспомнил о крестовых походах и сжигании ведьм. Как все-таки мы похожи – дети богов и обезьян. Монахи в Японии для медитации, чтобы чувство голода не отрывало их от духовной практики, клали за пазуху горячий камень, что согревал живот, обманывая голодный желудок. Такие горячие камни назывались кайсэки. Сейчас кайсэки – комплексный обед, которым любят потчевать в тамошних ресторанах. Любого туриста заманят на чайную церемонию, где минут за двадцать постараются напоить чаем матча, вкусом больше напоминающим воду после мытья посуды из-под рыбы и водорослей. На мой немой вопрос, что основным смыслом чайной церемонии является беседа с мастером чая, и мне, не владеющему местным наречием, это таинство будет недоступно, гид ответил выразительным взглядом на часы. Мол,

пей и не умничай. А то за нами уже очередь собралась. Я глотнул, и незабываемое чувство, когда выплюнуть стыдно, а проглотить невозможно, стало ведомо мне в полной мере.

Только гайдзин (чужак, варвар, не японец) будет бежать за гейшей с фотоаппаратом, норовя увековечить свою встречу с этим японским чудом. Мы привыкли фотографировать все, всех и вся, по возможности – на фоне себя любимого. Я и пирамиды, я и море, я и гейша. Уж не скажу вам, как в древние века, а сегодня гейша – просто артист, японский массовик-затейник. Ее приглашают как организатора мероприятий, дней рождения и корпоративов. Наши соотечественники рассматривают всех гейш как дорогих жриц любви, а любых японских (китайских, корейских) девушек в кимоно – как гейш.

Бескультурие и отличает в первую очередь варвара от японца. «Культурные» японские бабушки орали в самолете так, переговариваясь между собой, что большая часть пассажиров не могла уснуть. В Японии каждый скажет вам «здравствуйте», «спасибо», «пожалуйста», и обязательно поклонится. Кланяются даже олени в Наре, отведав специально приобретенного печенья. Русскоязычный гид жаловался на обилие понаехавших, что портят культурную и безопасную Японию. В священном бамбуковом лесу он обратил мое внимание на выцарапанную ножом надпись: «Здесь был Вася». Я тоже был расстроен и возмущен этим святотатством. По приезде домой я узнал, что гид на все завывал

мне цены в полтора-два раза. От зараза.

Нет, все же мы сильно другие. В Японии можно купить товар без НДС, если ты иностранец, только показав паспорт. И никаких тебе потом очередей в аэропорту за возвратом налога. Вначале я думал: а что мешает таким образом покупать товары японцам через друзей-иностранцев? Пробыв там десять дней, понял, что гордость. Видать, это неплохо, ведь гордость – не гордыня. Японец будет убирать туалеты, но не украдет. Он лучше вспорет себе живот, чтобы попробовать переродиться вновь с чистой кармой.

В одном их храмов я увидел, как за денежку можно пролезть на карачках под богиней Каннон и очистить карму, избавиться от грехов. Я видел по всей Японии богатые подношения. Вот храм, построенный за изгнанную на улицу жену, вот – за убийство друга. Да нет, такие же, как мы. В храм, жертвовать, «батюшка, спаси». Я путался в местных нормах и традициях.

Я понял, что кошелек не сопрут, но легко могут запросто так рубануть мечом. Стал шарахаться от местных с катанам. А народ не обращал на меня никакого внимания. Все мчались, как муравьи, на работу и так же – с работы домой.

Страна, раздавленная в 1945 году, не только встала с колен, но и достигла по своему благосостоянию вершин в существующем мире. Бедности почти нет. Есть очень богатые и средний класс. Мы, в сто раз умнее, совершеннее и смелее, живем в говне по сравнению с японцами. Как же

так, ведь мы так похожи, или все-таки нет? Не знаю, я так и не ответил на этот вопрос для себя. Я видел отстроенный и современный город Хиросима с дорогами, как у нас от Киева до Борисполя, и вспоминал ямы на дороге Ровно – Луцк, используя ненормативную лексику.

В храме богини солнца Аматаэрасу я услышал легенду, как брат богини – бог грома, бросил в нее освежеванную шкуру лошади. Она от обиды ушла и укрылась в пещере. На землю опустилась тьма. И никто не мог выманить солнце назад, пока хитрые боги не крикнули ей, что нашли богиню красивее. Она выскочила на зов и увидела зеркало. Рассмеявшись, Аматаэрасу простила богов, и солнце засияло вновь.

Я вспомнил как минимум три легенды подобного рода из разных мифологий. И про бога-проказника Локи, и про зеркало, в которое может посмотреть только чистый духом, иначе истинное отражение испугает хуже любого зверя. Вспомнил о затмениях, так или иначе объясняемых в преданиях всех стран. Значит, похожи. В Японии строго запрещена порнография. За такой журнал можно сесть в тюрьму. Японец не поцелует девушку на улице, слишком интимный это процесс. Зато по телевизору можно увидеть шоу «Угадай мужа», когда девушка наклоняется и спускает штаны, а затем со спины к ней подходят по очереди мужчины и начинают совершать акт. Ей же нужно угадать, кто из них был ее муж.

Опять храм и опять сад. Сад прекрасен, как прекрасна наша земля, как прекрасна жизнь, руки любимой женщины,

голос матери. Сад устроен так, что им можно любоваться в каждое из времен года. Красота сада – красота Японии: гордая, величественная и непонятная чужакам. Ведь находясь в таком прекрасном саду, очень хочется умереть, если кровь самураев течет в твоих жилах. Гид рассказал мне о том, как соседи по квартире – японцы – травили его по мелочам попервой, так как он гайдзин. И я захотел домой.

Нет, я не хочу перестраивать мир под себя. Я не хочу делать из всего мира Украину, а из Вселенной – Землю. Но я посмотрелся на Японию, собрал свои цветные монеты, и родимый очаг манит меня к себе. Там моя семья, друзья, собаки и работа. На высоте 11 тысяч метров я разглядел тех, кто стоит у руля нашего корабля, нашей планеты. Они развлекают нас байками, делают из нас хорошо обученное стадо и правят миром. Они думали спрятаться, но куда им деваться от меня, испившего из источника мудрости и взирающего с такой высоты? Кто-то из них правит своим муравейником лучше, кто-то хуже. Но что роднит нас всех, живущих на Земле, так это потребность в байках, мифах и легендах. Оказывается, примени на практике всего лишь «разделяй и властвуй», дай «хлеба и зрелищ», и толпа, как крысы, поспежит за дудочкой. И мы играемся в бирюльки на потеху власти имущим. «Все люди братья», – сказал сильно умудренный я. Но на вопрос, кто же более мерзавец, они – так легко управляющие нами, или мы, что так покорно сняли штаны, я так и не нашел ответа.

Капитан

*Он капитан, и родина его – Марсель,
Он обожает споры, шум и драки,
Он курит трубку, пьет крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки*

Вера Инбер

Еще вчера дождь хлестал по крыше дома, и казалось, что мир утонет в потоке воды, низвергаемой небесами. По улицам реки небесной воды несли оставшийся после зимы мусор вперемешку с еще не растаявшим снегом. Иногда дождь менял направление, и капли стучали в окно с такой силой, будто путник барабанит в дверь с настойчивым желанием поскорее войти и получить долгожданные тепло и уют.

В такую погоду, особенно если она пришлась на раннюю весну, хорошо оказаться рядом с камином, растопленным вязанкой вишневых дров. Такие поленья долго держат жар и наполняют жилище приятным ароматом. Тогда, лежа на диване, накрывшись пледом и с бокалом коньяка, книгой в руке и бернским зенненхундом, аккуратно улегшимся между тобой и спинкой дивана, – вперед к путешествиям, приключениям и невзгодам, достойным настоящих мужчин.

Уже почти уснув, приятно представить себя капитаном арктического ледокола, прокладывающего себе путь к пассажирскому лайнеру, застрявшему во льдах. Крошка из льда

и снега, поднимаемая северным ветром, делает видимость практически нулевой, но команда своими титаническими усилиями пробивается миля за милей к терпящим бедствие и поспевают как раз вовремя, когда круизный лайнер, уже раздавленный льдами, погружается на дно, а растерявшиеся пассажиры толпятся на льдине, представляя собой лакомое блюдо для холода и белых медведей. Команда ледокола, потеснившись, принимает всех на борт, и капитан тоже в свою каюту буквально заталкивает очень смущающегося, но изрядно заиндеветшего паренька в тулупе, валенках и с огромной шапкой-ушанкой на голове.

От усталости все попадали спать, и только капитан с горсткой самых крепких матросов вернулся на ночную вахту и направил грозу льдов в обратную дорогу. Наутро, естественно, уставший как гончий пес, капитан возвращается в каюту и видит, что парень на самом деле оказался прекрасной девушкой, за это время пришедшей в себя и уже обжившейся в кубрике. Но верный пес сторожит не только явь, но и сон хозяина, и врывается в видения, вылизывая лицо и топчась по тебе, как стадо слонов. Девушка тает вместе с арктическим ледоколом в убегающем сне, и зенненхунд вновь становится явью. Добившись своего, пес успокаивается, и под его мерный храп ты засыпаешь уже спокойно, без снов и сладостных видений.

Гавриле для этого романтического этюда не хватало самой малости – дома с камином, собаки и романтических снов

с книгой в руке и бокалом коньяка на журнальном столике. Текущая жизнь подарила ему пока только небольшую квартиру на окраине города, продуваемую особенно настойчивым ветром сквозь накопившиеся щели в окнах, и небольшое жалованье, регулярно выплачиваемое работодателем. А потому непогода плотно заперла нашего героя в его четырех стенах без собаки, камина и коньяка, оставив только книгу и батон колбасы с хлебом и кефиром. Хотелось тепла, но после пристального взгляда в кошелек мысль пригласить кого-то из своих знакомых девушек на ужин или хотя бы в кино оказалась полностью несостоятельной, и ветер за окном, подхватив, унес ее в более зажиточные кварталы.

В такие минуты становится особенно грустно и одиноко, когда любительская колбаса с ее вкраплениями жира уже больше в тебя не лезет, но желудок требует дров, как разгоряченная топка камина, и ты давишься всухомятку этой нехитрой снедью, запивая ее кефиром прямо из пакета. Картину полной безысходности дополнил бы красочно топающий по своим делам рыжий таракан, но усачи покинули города по мере развития GSM-связи (мобильных телефонов), и приему пищи Гаврилы никто не мешал.

Гаврила наполнил желудок, и мысли потекли в более рациональном русле. Зачем мечтать о доме с камином, где ты уснешь, представляя себя капитаном грозного ледокола? Это все равно, как уснуть во сне и видеть сон. Можно представить себе, скажем, девушку, которую судьба-злодейка при-

вела бы плакать на лавочку прямо под балкон квартиры. Сквозь струи проливного дождя Гаврила увидел бы, как без плаща или зонта на лавочке вздрагивают от рыданий худенькие плечи, и пригласил бы ее зайти в дом, где сразу отдал бы оставшийся кефир с колбасой и хлебом. Эта мысль показалась настолько реальной, что даже толком не отдавая себе отчет и наскоро накинув плащ, Гаврила выскочил из подъезда, оглядывая близлежащие лавочки.

На улице было холодно и промозгло, но от этого жалость к неизвестной девушке, одиноко плачущей на лавочке под проливным дождем, сделалась вовсе нестерпимой, и он быстрым шагом пошел по округе, разыскивая незнакомку. Смеркалось. На улице было хоть шаром покати. Одинокие машины с грохотом проносились по дорогам. В окнах домов периодически зажигался и гас свет. Даже бездомные псы не шныряли по улицам в поисках съестного мусора, а жались друг к другу, забившись по ранее обжитым углам.

У кого вызвал интерес наш путник, так это у патрульно-постовой службы, тормознувшей рядом с ним и вывалившейся из своего бобика. Без лишних слов полицейские прошлись по карманам Гаврилы, и не найдя там ничего путного, ограничились легким пинком и двумя затрещинами. Гаврила перенес экзекуцию стойко, без слез и причитаний. Капитану ледокола стоять ночную вахту было тоже непросто, особенно после героического спасения пассажиров со льда. Отъехавший бобик вновь сделал нашего героя свободным, и он быст-

рым шагом умчался вдаль. Вскоре холод ушел, и стало жарко. Струйки пота стали сбегать по промокшей спине. Хотелось расстегнуть плащ, но Гаврила не мог остановиться даже ради этого. Он бежал, пока дождь хлестал, как из ведра, и на улице темно, а значит, где-то плачет незнакомка, которую должно немедленно спасти.

Но вот запас сил иссяк, и наш капитан остался один среди пустынных улиц города. Он застыл как изваяние, а затем, умывшись струйками дождя, неторопливо побрел в сторону дома. Гаврила плакал, смеялся, бил себя ладонью по лбу и кутался в закоченевшую одежду, как будто мог выдавить из нее еще хоть чуточку тепла. Отворив дверь квартиры, промокший до нитки капитан почувствовал себя словно в родной гавани, встречи с которой ожидал долгие годы заморских странствий. Скинув все одеяние в угол, он пошел напрямиком в душ, где, слава богу, горячая вода вернула его в состояние умиротворенного покоя. Затем он повалился спать, и укрывшись выдавшим виды одеялом, был счастлив как дитя.

Проснулся Гаврила достаточно поздно, уже было светло, и дождь более не барабанил, уступив место весеннему солнцу. На улице пели птицы, и двор был полон гомона и иной воскресной суеты. При виде горы мокрой одежды в углу «арктическому капитану» стало ужасно стыдно за свою выходку прежней ночью, и он стал неторопливо приводить свои вещи в порядок. Есть хотелось снова, и остатки колбасы, хле-

ба и кефира пришлись крайне кстати. «Если уж спасать, то лучше незнакомку с авоськой провизии», – подумалось Гавриле между делом.

Затем он взялся за тряпку и вымыл квартиру, гоняясь за каждой пылинкой. Снова устал. Усталость преследовала нашего героя по пятам, и он ждал ее, как освободительницу от горестей и забот, дурных снов и несбыточных желаний. Когда устал, блаженное чувство покоя приходит на смену всему, перестают мучить иллюзорные мечты и фантазии, дурные мысли не лезут в голову – хочется простой, да хоть какой-нибудь еды и койку, куда можно уронить голову и тело. Усталость служит залогом от глупостей – ты наконец-то перестаешь жалеть себя, дивясь несправедливости мира, и рваться из четырех стен наружу, будто особенно сильный и мощный рывок может освободить что-то внутри, способное вылететь и, раскинув крылья, умчаться в небеса к бушующим стихиям.

Уже в понедельник Гавриле на работу, еще чуть-чуть – и самый тяжелый период выходных останется позади. Там усталость будет неотъемлемой частью, как будто при входе вахтер выдает ее каждому на время рабочей недели. Потом каких-то десять-двадцать лет – и усталость можно уже не загонять в сети, как молодую капризную девицу, она будет приходиться сама даже незванным гостем и прочно обосвется в старенькой квартирке. Усталость скрасит жизнь, стешет острые углы, сопливые переживания и мечтания детства

лягут спокойно поживать на дальние полки чулана.

Лишь однажды, если, конечно, повезет, внучка спросит у дедушки Гаврилы, кто изображен на старой пыльной фотографии в капитанской форме на борту ледокола, ломающего арктические льды. «Это я», – скажет дедушка и погладит внучку по голове. Она засыплет его вопросами об Арктике и лайнере, спасенном из ледяного плена, пока родители не уведут девочку спать. А засыпая, она долго будет спрашивать папу и маму о дедушке, и почему они не рассказывали о его героическом прошлом. Родители же, убаюкав малышку, сядут на кухне и заговорят о том, что старик сдаст, и как не жаль, но нужно отвозить его в дом престарелых. Там и уход круглосуточный, и персонал, безропотно слушающий байки стариков.

Но Гаврила был уже на улице. Смеркалось. Хляби небесные разверзлись над городом, и вода низвергалась с небес, как будто всевышний всерьез решил затопить все к чертям. Старик шкандыбал, опираясь на палочку, и даже бездомные псы не тревожили его покой. Наконец-то патрульная полиция заметила старика и обыскала его карманы. Бить из уважения к возрасту не стали. «Наконец-то», – подумал Гаврила. Обыск ментов вернул ему веру в быстро ушедшие силы. Еще чуть-чуть. Нет, он не хотел в этот раз встретить незнакомку и спасти ее из-под струй проливного дождя. Он страстно, изо всех оставшихся сил чаял встретить себя – того, молодого, что искал, но отчаялся, проиграв битву уста-

лости. Незнакомка, конечно же, ждала его тогда, мокла под проливным дождем со вздрагивающими худыми плечами, нужно было сделать лишь еще буквально пару шагов, пройти в следующий двор. Гаврилу там ждали любовь, мореходка и арктические странствия. «Вперед!» – сказал бы Гаврила своей молодой копии и замер бы как статуя, превратившись в памятник несгибаемой несломленной воле.

Вот только сердце предательски подвело старика, и прыгнув в груди, остановило его скрученную фигуру. В последнюю секунду он увидел себя в капитанской форме на борту корабля. Капитан же, увидав старика на берегу, отдал ему честь и уплыл, не оглядываясь, как и положено морскому волку.

Старика под утро нашла все та же ППС и, вызвав труповозку, убыла себе восвояси. Родители же, убаюкивая малышку, поведали ей, что дедушка уплыл в арктическое плавание, так как несмотря на возраст, опытных моряков на флоте не хватает, и дедушка снова ведет ледокол навстречу бушующей стихии. Кроха уснула, обняв подушку, а ее родители, взяв тряпки и теплую воду, мыли квартиру, гоняясь за каждой пылинкой, пока усталость окончательно не завладела ими, принося утешение и покой.

Идеальные незнакомцы

*Но лучше поклоняться данности
с глубокими её могилами,
которые потом, за давностью,
покажутся такими милыми*

Иосиф Бродский

Благими намерениями вымощена дорога в ад. Поэтому гоните вшаей всякого, кто попытается разнообразить вашу жизнь здоровыми, как может показаться на первый взгляд, идеями. Эти идеологи наворотят делов, разбередят душу – и в кусты. А ты стоишь потом один-одинешенек на распутье, и что поделать, не знаешь. Ни прежнего себя уже не вернуть, ни нового принять не получается. Чистое гадство.

Роман с Аленой пришли к нам в гости в то дивное субботнее утро, когда рабочая неделя уже позади, а выходные, поди, еще и не начались, то есть впереди два полновесных дня для настоящего лежебоки, каким, собственно, я был всегда. Моя прекрасная супруга Софи предпринимала отчаянные попытки в первые годы нашей совместной жизни сделать из меня велосипедиста, горнолыжника или любителя длинных лесных прогулок. Но годы усилий не принесли должного успеха, и махнув на меня рукой, она совершала по утрам велосипедные прогулки и возвращалась ко мне пополудни, как раз к моему пробуждению.

Сегодня я был бесцеремонно разбужен, так как гости ожидались с самого утра. «Привет», – хором прокричали нам «ранние пташки» и завалились в дом. Софи, лишенная из-за гостей своей утренней велосипедной прогулки, носилась ястребом по дому, поражая всех своей нерастраченной энергией. Я никак не мог открыть глаза и норовил уснуть, привалившись на край дивана. Спас ситуацию Роман, рассадив всех за журнальный столик. Бокал холодной сангрии с фруктами вернул меня к жизни и заставил поутихнуть мечущуюся Софи. «С добрым утром, друзья», – произнёс Рома и первым выпил вино.

Все могло бы так же отлично закончиться, как и началось. День клонился к закату, и съеденные шашлыки приятно наполняли желудок. Нам бы выпить кофе и разойтись, если бы не Роман. Теперь его потянуло на ролевые игры. Только, избави бог, не подумайте ничего дурного – просто он давеча посмотрел фильм Паоло Дженовезе «Идеальные незнакомцы» и решил повторить его сюжет на нашей базе. Задача проста: все выкладывают мобильные телефоны на стол, и все входящие смс зачитываются вслух, а на звонки необходимо отвечать по громкой связи. В фильме герои выяснили, что прожитые вместе годы не сделали их по-настоящему близкими людьми, их разделяют тайны, и пропасть непонимания пролегла между ними глубже Марианской впадины. Мне идея показалась занятной, и я первым крикнул «да», бросив свой iPhone на стол. За другими дело не стало, и че-

тыре телефона заняли свои места за столом, олицетворяя нас, наши уменьшенные копии.

Четыре телефона – четыре жизни. В суматохе мы как-то прошли мимо факта телефонизации человечества. Смартфон и интернет, социальные сети давно стали для нас настоящей жизнью, реальностью, заменившей ранее привычный нам мир. Мэр теперь встречается с известными блогерами, а жизнь в сети давно стала важнее дел обыденных. В сети ты мудрец, подобный Омар Хайяму, или путешественник, как Миклухо-Маклай. Кто ты на самом деле, в реальной жизни? Где, где? Что значит «в реальной»? Мы создаем свою реальность в интернете, размещая ее на всеобщее обозрение, и смотрим на такую же реальность других людей.

Ты встал и ушел после первого отделения оперы Джузеппе Верди в Ласкала, но выложил фотки из театра со скромной подписью «мечта сбылась». Где реальность? Для всех ты – заядлый театрал и ценитель творчества Верди. Минет час, и ты сам поверишь в это, выступая театральным гуру на дружеских вечеринках. Что же тогда реальность: то, что думают все и через некое время ты сам, или действительно происходившие события, канувшие неизвестными в пучину? Оставшись без телефона хоть на миг, чувствуешь себя голым, нагим. Всем становятся видны усердно припрятываемые изъяны, и ты сиротливо озираешься в поисках своего смартфона. Фух, вот он! Теперь ты снова одет и можешь, как и ранее, транслировать свою было утерянную реальность

во внешний мир.

Сразу скажу: я, в отличие от брюзжащих старух, не считаю происходящее злом, как не считает злом макияж, красивые одежды, парфюм и ювелирные безделушки красавица, собирающаяся в свет, или кавалер, созерцающий ее впоследствии в полной боевой готовности. Так и смартфоны – тоже не зло. Просто их одевать стало со временем важнее, чем La Prairie и Dolce & Gabbana. Если бы я был режиссером, то снял бы происходящее примерно так: свет, освещающий людей, потихоньку угасает, и четыре ярких луча озаряют телефоны на столе, показывая зрителю, что настоящей жизнью живут, казалось бы, бездушные коробочки с электроникой, а люди – всего лишь топливо, подпитывающее их, как бутерброд, удовлетворяющий желание человеческой плоти.

Но мы были у себя дома, и ни софитов, ни режиссера, ни съемочной группы в наличии не имелось. Мы сидели, освещаемые светом заходящего солнца, и телефоны молчали на столе, «уснув» от длительного ожидания. Время ожидания – время дум. За день все устали от разговоров. Я развалился в кресле, и мысли мои быстро унесли меня от границ дома. Я блуждал среди неизведанных миров по просторам вселенной, мимоходом поедая драконов и отвечая взаимностью красавицам.

Затем я вспомнил, как двадцать лет назад познакомился с Софи. Мы встретились с ней случайно на берегу моря. Я с компанией друзей проехал более 500 км, чтобы добраться

до водной глади, и теперь наши усилия были посвящены поиску пристойного жилья по карману. Нас было пятеро ребят и столько же девчонок, но встретив Софи на пляже, я не смог вернуться. Мои друзья за глаза стали звать мою избранницу сиреной...

Звякнул телефон Ромы синхронно с телефоном Аленки. Это пришла смс из банка. Как выяснилось, у них общий счет и, соответственно, оба видят все транзакции. «50 гривен – списание за обслуживание счета», – произнес Роман, усердно копируя голос Левитана.

Софи в вечер нашего знакомства не пришла ночевать домой, и ее отец – профессор и местный светила – поднял на уши всю местную милицию. Нас поймали под утро, когда я как раз провожал мою любовь к дому. Софи бросили в бобик, меня тоже, предварительно шлепнув дубинкой по спине и надев стальные браслеты. Освободил нас из кутузки все тот же профессор, оказавшийся впоследствии славным малым, если так можно говорить о своем тесте...

Зазвонил мой телефон, и я щелкнул кнопкой громкой связи. В трубке звучал взволнованный девичий голос. Моя секретарь Белла, многократно извиняясь за неурочный звонок, что-то несла о срочных семейных обстоятельствах, не позволяющих ей выйти в понедельник на работу. На уточняющий вопрос она несла какую-то чушь, но как я понял, никто не заболел и не умер. «Белла, чао», – сказал я ей и нажал отбой.

Родители брошенной мной прямо посреди отдыха девушки, от которой я ушел к Софи, работали преподавателями в институте, в котором я учился с их дочкой. Ребята оказались мстительными, и сессию я не сдал. Благо, тесть-профессор устроил меня в местный вуз, и я доучился практически без приключений. Помню, как я по настоянию Софи полез с лыжами в гору. Мы спускались по трассе для «чайников», но я и там умудрился поломать лыжу о ель. Пришлось долго идти вниз пешком, утопая по колено в снегу. Затем я еще месяц лежал с воспалением легких. Софи каждый день поила меня целебным чаем и ставила банки.

Теперь позвонили Алене. Ее соседка что-то протяжно и громко орала в трубку. Из сбивчивых криков следовало, что растущие на грядке Алены и Романа сорняки хищно пролазят своей корневой системой на участок соседей и не дают расцвести там дорогим голландским тюльпанам. Соседку, как ни странно, тоже звали Белла. «Белла, чао», – сказали ей хором Роман и Алена и отбили звонок.

Я как-то на первые более-менее приличные деньги повел Софи в дорогой местный ресторан. Официанты порхали, как бабочки, пытаясь угадать даже невысказанное желание. Сказка закончилась вместе со счетом, превышавшим раза в три мои финансовые возможности. Пришлось Софи бежать домой за папиной помощью. Нет, все-таки профессор – мировой старик...

Наконец-то засветился телефон и моей супруги. Она на-

жала кнопку. Звонил мужчина. Он называл почему-то Софи Кнопкой и печалился о том, что Софи не было на велосипедной прогулке с утра. Рома и Алена смущенно смотрели на нас во все четыре своих глаза, но и здесь интриги не получилось. Звонивший был нашим соседом и другом отца Софи. Он называл ее Кнопкой еще с детства и часто пытался ездить на велике по утрам рядом с ней, покуда у него хватало сил. Софи не стала ничего объяснять гостям, и я, развалившись в кресле, потянулся за коньяком, решив немного поиграть из себя крепко задумавшегося мужа. Рома предложил прекратить эту игру как наскучившую, но я твердой и решительной рукой сделал отрицательный жест. Немного помолчали.

Я вспомнил, как мы студентами с Софи были в Турции, и к ней на дискотеке стал слишком настойчиво приставать тамошний жигало. Жигало отделался переломом челюсти, а я – местной тюрьмой. Но и там, как говорится, я даже чаю попить не успел, так как у профессора оказались знакомые профессора даже в Турции. Я вышел на свободу и стал побавиваться тестя и его мирового могущества. «Господи, – подумал я, – как давно с нами ничего не случилось, как все ясно и понятно у нас в жизни. Смс из банка, звонки соседей, сотрудников с работы»... «Как скучно мы живём! В нас пропал дух авантюризма, мы перестали лазить в окна к любимым женщинам, перестали делать большие хорошие глупости», – сказал мне прямо в лицо невесть откуда взявшийся пьяный

Ипполит (фильм «Ирония судьбы, или с легким паром»), и я решительно отодвинул свой бокал с коньяком.

Наша выдуманная размолвка как-то сблизила Рому и Алену, и так представлявших в глазах друзей единой целое. Мы звали их про себя Ромаленой, судача о них друг с другом. Ромалена целовались и держали друг дружку за ручку, как молодожены.

Я и Софи проводили их к машине и, попрощавшись, вернулись в дом. Сон не шел, и мы сидели при свете ночника за журнальным столиком, на котором лежали два наших смартфона. Их экраны периодически вспыхивали, сполохами сигнализируя о входящих сообщениях, но мы сидели и сидели, не реагируя на призывный свет.

«Это ведь хорошо, что нам нечего скрывать друг от друга?» – спросила меня Софи. «Ну что ты, конечно! Это только в водевиле пары узнают об изменах друг друга, затем плачут, прощают друг друга и любят с еще большей силой». «Ты не жалеешь, что женился на мне?» Я молча поцеловал супругу. Софи поправила челку и пошла в спальню вверх. «Я еще чуть-чуть посижу», – бросил я ей вслед.

Я потянулся за своим бокалом, и пьяный Ипполит вновь материализовался предо мной. Он пил, разливая поровну наметанной рукой коньяк, и звал меня за собой. Он постоянно сбивался, то звал меня в Танзанию с ее Килиманджаро и Нгоронгоро, то, подмигивая и икая, требовал лететь с ним на Кубу. Короче, мы здорово с ним набрались. Последнее,

что удалось мне запомнить – как я делал селфи с Ипполитом и выкладывал его в интернет с темой: «Я и Ипполит летим на Кубу».

К полудню следующего дня под ним было уже более сотни лайков и комментариев. Кто-то пытался узнать, в каком мы аэропорту, кто-то интересовался, почему на фото нет Ипполита, и требовал ссылку на его профиль. Еще было голосовое сообщение от Ромалены с благодарностью за чудесный вечер и просьбой не ссориться с Софи, с которой мы, на взгляд Ромалены, идеальная пара. Я порылся в сети и нашел фото смазливой мулатки. Быстро поместив себя на фото рядом с ней, я бросил его в сеть с подписью «Куба». Народ большей частью ставил смайлики, означающие восхищение, а бывалые «кубинцы» писали советы, куда стоит сходить и что по чем. Я побрел в душ, затем за таблеткой аспирина. Софи ждала меня для позднего завтрака. «Люблю тебя», – сказал я, садясь за столик.

Так победим!

*Значит, это необходимо,
Чтобы каждый вечер
Над крышами
Загоралась хотя бы одна звезда?!*

Владимир Маяковский

Игорь Демьяненко возглавлял безопасность одного банка средней руки, хоть до этого никогда не служил ни в милиции, ни в прокуратуре. Так сложилось. В банк он попал в 90-х и быстро проявил способность к конструктивным переговорам с набегавшими волнами правоохранителями всех мастей, чинов и рангов. Спокойный как удав, со взором профессионального киллера, в дорогом костюме и с айфоном в руке, он спускался к очередным вымогателям в законе, излучая уверенность и холодную решимость. Таких людей боются инстинктивно. Особенно горячие, бывало, даже теряли дар речи, чувствуя леденящий взгляд безопасника.

В кабинеты к высокопоставленным силовикам Демьяненко заходил совершенно другим. Скромный, но настойчивый друг – не более того. Он носил деньги, но больше, чем белым конвертом, подкупал своим вниманием. Рыбалка, охота, баня, лечение за рубежом, девочки из модельного агентства – он все умел, все мог, все добывал для дорогих друзей. Сотни людей пробовали пойти по пути Игоря без осо-

бых успехов, а он шел, карабкаясь по лестнице «деловых» отношений, подтягиваясь аккуратно руками вверх и закрепляясь подошвами на новых ступенях.

Талант Игоря вовсе не базировался на излишнем подострастии, избави бог. Просто Всевышний наделил его даром к изобразительному искусству. Настраиваясь, он мысленно двигал руками и рисовал, рисовал в своем воображении предстоящего собеседника. Картины чаще всего были так себе и годились разве что для фильмов ужасов. Очередной генерал выходил у него жалким ничтожеством, вымогающим деньги подлостью и шантажом, с отвратительной супругой – этакой бабищей с повадками прапорщика и разбалованными донельзя детьми. Генерал любил на шару потискать молоденьких девочек, напиться и нагадить в ресторане, а подчас и под себя, или украсть фишки в казино, опуская их сальными пальцами в отвратительную неглаженную штанину. Сыто икая, «лампасы» любил говорить о смысле жизни и пользе отечеству, а также о повышении mzды за свои услуги. Узрей такую картину на холсте – и есть не захочется еще неделю...

Плотно закрыв глаза, Игорь брался за кисть. Аккуратно, слой за слоем он поправлял, зарисовывал мерзкое, гадкое, неуловимыми мазками добавляя в портрет что-то невообразимо-человеческое. Вот генерал уже падал пьяным и гадил не из-за мерзкой душонки, а исключительно из-за болезни печени, перенесенной им в сиротской голодной юности. Су-

пруга генерала досталась ему как единственный шанс закрепиться в городе и сходу поселиться в собственной квартире. Оттого и тянуло генерала на смазливых девчонок, так как прелести супруги не могли бы прельстить даже отсидевшего пятерку в одиночке. Но бросить ее он не мог из-за чувства порядочности и жил, взвалив на плечи эту лямку. Детей баловал, жлобствовал из-за них, стараясь с лихвой обеспечить, чтоб не познали они доли лихой, доли сиротской.

И божьим даром откровенная мразь превращалась в несчастного, слабого, но доброго человека. В портрет уже больше не хотелось плюнуть. Хотелось обнять и, закусив стопку огурцом, плакать о несчастной доле и несправедливой судьбе. Старый «рисунок» таял, как мороженое под палящим солнцем, а новый образ креп прямо на глазах и застывал намертво строительной пеной. Как только пена отвердевала окончательно, Игорь отворял кабинет и обнимал доброго старого друга. Его искренность, чем-то похожая на собачью, подкупала сердце даже самого отъявленного подонка и негодяя, располагая к дружбе, беседе, а периодически даже к нравственным поступкам.

Тот, кто никогда не имел отношения к серьезному творчеству, вряд ли поймет всю тяжесть такого труда. Художник выворачивает себя наизнанку, рисуя в минуты вдохновения, даруемого только наивысшим накалом эмоций. Счастье, скорбь – все это выматывают душу в ноль, опустошая все, даже самые скрытые резервы. Душа потом, как переразря-

женный аккумулятор – просто не хочет заряжаться, что с ней ни делай. Отсюда у творческого люда губительная страсть к алкоголю и наркотикам, стимулирующим измученное тело опять воспрять и парить в небесах или плакать на потеху публике. Без этих допингов только стальная воля может заставить маэстро творить.

Игорь ничего такого позволить себе не мог, поэтому настраивался на «портрет» мучительно, напрягая уставшие члены. Он ходил вокруг нужного здания, пил кофе, беседуя с бариста, подолгу разглядывал рисунки небес. Затем решительно закрывал глаза и брался за воображаемую кисть.

Еще одним побочным эффектом было чувство любви к своим «портретам», присущее любому таланту. Человек уже переставал быть чужим дядей или тетей, произошедшим в далеком прошлом от мартышки. Он был теперь сотворен рукой Игоря, мукой его души и на веки вечные прирастал, становился частью некоего единого целого. Если впоследствии «портрет» особо гадил, то ранил художника, как ранит разбитая бутылка в руках хулигана, оставляя ужасный окровавленный, разорванный след. Игорь мучился тем, что раз от раза стремился увидеть свое «чадо», и мучился страхом узреть очередное злодеяние или мерзость.

Но банк был доволен успешным безопасником и платил звонкую монету исправно, позволяя Демьяненко жить, особо ни в чем не нуждаясь. А хочешь есть – люби работать. Тайну свою, как что-то особо личное, Игорь хранил даже

от самых близких, и о его художествах до поры никто не ведал. Да и сам художник, если признаться, как-то творчеством свои мысленные картины не считал.

Первый казус вышел при посещении с благотворительной миссией детского дома. Банк выделил чуть денег и отправил свою делегацию, выполняя разрядку по оказанию милостей. Девчонка лет семи рыдала над листом бумаги, безуспешно стараясь нарисовать автопортрет. Как-то нечаянно взяв карандаш, Игорь нарисовал ее принцессой, раскинувшей руки навстречу солнцу, а со всех сторон к девочке подходили лесные звери, склоняя головы в поклоне. Что там девчонка – весь класс замер, ахнув, бережно, как хрупкий бокал, передавая листок из рук в руки.

По дороге домой безопасник купил холст, кисточку и краски. Открыв дверь, он как-то бочком-бочком протиснулся в квартиру, прикрывая телом купленные богатства. Но прокрасться не случилось, и он решил покупкой похвастаться. Супруга ойкнула, услышав сумму чека. Игорь расстроился. Но женское сердце подсказало выход – благоверная вспомнила, что ее мама в молодости неплохо рисовала. «Поиграешься и маме отдашь», – сказала она, помолчав, и проследовала в кухню.

В субботу Игорь сел за работу. Он рисовал закаты на малиновой планете, где реки бьют вверх, уходя в горизонты небес, а деревья бегают как зайцы и грызут морковку. «Наш мир» – подписал он холст и оставил сохнуть. Жена прыснула,

глядя на этот набор красок, но высказалась как-то нейтрально, по-семейному. Дескать, лучше так, чем бутылка или любовница. А Игорь и не спорил. Дома мазню повесить ему не дали, и он унес ее в свой рабочий кабинет. Там безопасника побаивались и дурных вопросов не задавали. Тем паче, Игорь поведал, что получил картину в подарок от некоего чиновника, и намекнул на некую фантастическую цену.

Картины множились и множились, и за пару лет «малиновый мир» заполнил чуть ли не весь банк. Игорь всего лишь однажды решил поведать близкому другу свою тайну, и то не полностью, намеком: мол, не начать ли мне рисовать? Но тот, дружески приобняв, заметил, что все прекрасное уже нарисовано, и пачкать холст кистью сейчас, особенно не чувствуя себя Рембрандтом, есть занятие низкое и недостойное. Игорь нарисовал новый холст, на котором люди были с дырками, как прохудившийся башмак, а из щелей вместо лучиков внутреннего света была грязь вперемешку с испражнениями. «Так победим!» – начертал он на ней. Картину Игорь подарил генералу, сказав, что банк отдал за нее тридцать тысяч зеленых. Генерал округлил глаза и немедленно пришпандорил работу в кабинете рядом с иными дорогими подарками и сейфом с деньгами.

Зашить бы бабам рот! Нет, что я говорю? Это чересчур. Просто уметь бы вытирать им из мозгов часть явно ненужной информации, да и только. Благоверная Игорья так кому-то разболтала о странностях супруга, и весточка разлета-

лась по городу, как осколки стекла в разные стороны. Вроде бы ничего не украл, но Игоря разлюбили, а то и стали опасаться. Рисунки были недурны, но как-то сильно не вязались с его образом, и все как один вдруг почувствовали себя безмерно обманутыми. Генерал рвать картину не стал, а просто передал ее художнику с водителем и более просил не беспокоить. Чиновники телефонные звонки Демьяненко игнорировали. Банк также снимал художества и снес их в подвал к метлам и лопатам.

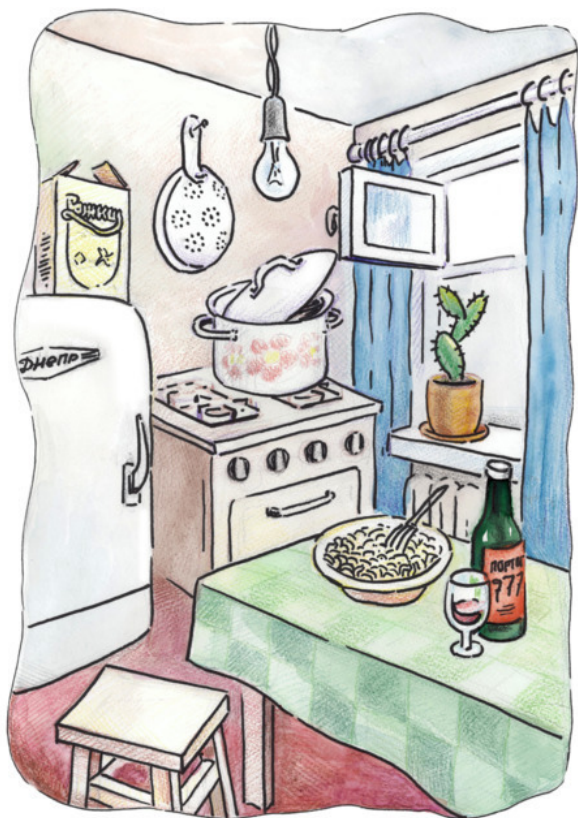
Рабочая карьера, так сытно кормившая ранее, вдруг начала распадаться, как распотрошенная мозаика, и грозила полностью накрыть своим обвалом. Благоверная рыдала и с Игорем почему-то не разговаривала. Демьяненко так желал доставить удовольствие своим друзьям и родным, что хотел лишиться рук, ног и разориться одновременно. Тогда он перестал бы рисовать и отчаянно нуждался бы в их помощи, заботе и внимании.

Благо, Демьяненко был действительно талант. Не знаю, как это случается. Может, Боженька таки действительно целует, может, хромосомы так складываются. Закрыв глаза, безопасник рубанул себе правую руку топором аккуратно по локоть и перетянул рану заранее заготовленным жгутом. Только закончив дело, он потерял сознание. На шум падающего тела, видно, кто-то пришел и вызвал скорую.

Через полгода мир вернулся в жизнь Демьяненко. Его вновь полюбил генерал, чиновники ждали к чаю, и банк ис-

правно платил пенензы. Супруга как-то даже с преувеличенным рвением всячески демонстрировала свою любовь, будто Игорь потерял не руку, а все конечности. Свободный рукав скрывал полученное уродство, и все бы хорошо, если бы не одно но: Демьяненко больше не мог рисовать. И даже не на холсте, оно бы то и понятно – он не мог рисовать новый «портрет» человека, закрывая глаза. Он смыкал веки – и ничего не происходило. Никакой искры, никакого волшебства. Ранее нарисованные «портреты» еще жили в памяти, но вот свежие не появлялись, хоть убей. Игорь с тревогой думал о том, как поменяют круг его высокопоставленных друзей, и он с треском вылетит с работы, так как не сможет познакомиться с новыми чиновниками и заручиться поддержкой. Но он плакать не стал, решив, что содеянного не вернешь, и пусть все будет, как будет...

А картины, кстати, пошли. Их увидел какой-то столичный галерейщик и увез на своем пикапе. История об одноруком гении украсила столичную выставку, и бомонд весьма дорого все раскупил. Подкупали буйство красок, взезные пейзажи и, конечно же, то, что художник более уже ничего не сотворит. Так что Игорь Демьяненко даже вскоре переехал из квартирки в небольшой загородный дом, выходящий окнами на опушку леса и берег небольшого озерца. Все были счастливы.

Маша и Миша

*Никогда, никогда ни о чем не жалейте —
Ни потерянных дней, ни сгоревшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте,
Но еще гениальнее слушали вы*
Андрей Дементьев

В голодные студенческие годы, пришедшие в аккурат на лихие девяностые, я любил бывать в гостях у своих друзей Маши и Миши. Мише на тот момент было двадцать семь лет, и он по праву считался одним из самых молодых докторов наук в нашей стране. Несмотря на точность его наук (он был доктором физико-математических), сухарем Михаил вовсе не считался. Был он крепок телом и бодр духом, зачастую штурмуя вершины неприступных гор в промежутках между семинарами и конференциями.

Его Маша была во всем ему под стать: тоже математик, хоть и не доктор, а всего лишь кандидат, тоже любитель гор и спарганского образа жизни. Правду говоря, Маше любовь к горам привил Миша, но эта любовь оказалась взаимной. Я как-то спросил у Михаила, не боится ли он брать супругу с собой на вершину, увлечение ведь порядком экстремальное. Можно ногу сломать, а можно и вовсе убиться. Тот же, почесав за ухом, резонно заметил, что, дескать, поломать ногу – плохо, придется на себе пострадавшую тянуть. И в этом

был весь Миша.

Я приходил к ним в гости скоротать вечерок, и Маша, узрев на часах позднее время, предлагала сварить макароншек. Дома все равно у них другой снеди не водилось. Макарошки, ясное дело, оказывались простыми макаронами без всяких добавок. И в этом была вся Маша.

Слава богу, я тогда устроился разгружать вагоны со всякими вкусностями, и по протоколу что-то приходилось на бой. Деньги за свой вечерний труд я отдавал проныре, устроившему меня, свою же долю получал этим самым боем, то есть тем, что могло разбиться, но не разбилось. Учитывая натуральный обмен, царивший в общине грузчиков, я приходил в гости к друзьям, прихватив бутылку сангрии, пакет масла, хлеб, помидоры и консервы с самой разнообразной начинкой. Смешав это с неизменными макаронками, мы смотрели на царский стол и вкушали яства с превеликим удовольствием.

По изменению содержимого металлических банок можно было судить, как меняются вкусы и благосостояние нашей страны. Я приносил кильку в томате и рассказывал байки о том, как в прежние времена приходилось грузить сайру и шпроты, а на новый год – лосось и красную икру. Миша смеялся и просил меньше работать грузчиком, а больше сил уделять учебе в вузе. «А то, – говорил он, – всю свою жизнь будешь считать, что исключительный способ добиться чего-нибудь – это что-нибудь разгрузать». Маша поме-

шивала макаронки и, закатывая глаза, спрашивала, нет ли возможности грузить кружевное женское белье. Я, не выходя из роли, отвечал, что при разгрузке белья боя не бывает. Она деланно расстраивалась, и мы долго говорили об альпинизме.

Маша и Миша не любили вечерних разговоров о работе. Как три математика, мы могли бы до полуночи рисовать формулы или обсуждать ученые склоки – кто с кем и против кого дружит. Но такого не было и в помине. Пожалуй, я никогда не был очень спортивен, и поход в горы сравнивал с полетом на Луну. Я слушал рассказы о ветрах, о суровых нравах альпинистов, о сладости побед и горечи поражений. Наверное, в тот момент мне больше всего были нужны именно такие рассказы, чтобы увидеть в жизни нечто большее, чем ежедневную учебу с формулами в три этажа и утомительный вечерний труд, не дававший элементарно подохнуть с голоду.

А еще я смотрел на своих друзей, как на символ истинной вечной любви. Любовь родителей, отношения между ними часто воспринимаются детьми как данность. Порою детям кажется, что не было молодых юноши и девушки, а родители сразу родились его папой и мамой. Сам же я пребывал еще в том чудном возрасте, когда любишь весь мир и всех красивых девушек, до которых можешь добраться рукой или, в крайнем случае, взглядом. Встречая зачастую взаимность, я даже не думал о браке всерьез. Но Маша и Миша были символом, той путеводной звездочкой, помогающей путнику

найти верную тропу в непроходимой чаще. Во многом именно благодаря нашим посиделкам я не бросил учебу и не стал профессиональным грузчиком. Им же благодаря я не ушел с головой в блуд. Мне нравились их верность друг другу, единство вкусов, духовное единение. В какой-то момент я так проникся духом нашего общения, что стал мерить свои поступки Мишиными критериями, а каждую из своих девушек сравнивал с Машей.

Маша с редкой для девушки профессией математика была хороша собой и крайне непритязательна к жизненным роскошествам. Одевалась она аккуратно, но очень скромно – по средствам. Ее подчас легко было спутать со студенткой, приехавшей в столицу из скромной и глубокой провинции. Разумеется, только по одежде и украшениям, по внешней стороне. Вечерами Маша говорила о новой повести Анатолия Приставкина, и с каким трудом ей удалось на день добыть журнал, в котором был напечатан искомый текст. Она рассказывала о прочитанном и варила неизменные макарошки в съемной квартире двух молодых ученых. Порой я спрашивал молодую и крепкую семью о будущем, о детях, собственном жилье и стабильности, но Маша и Миша отшучивались, укоряя меня общением с биндюжниками. А потом опять говорили про горы и строили планы, на чем бы еще сэкономить, чтобы снова уехать в поход.

Не готов сказать, как именно мы перестали общаться. Случайно, пожалуй. Сначала они уехали в горы, потом у ме-

ня была сессия. Потом я болел, потом выпуск, потом искал работу.

У меня появилась более-менее постоянная девушка, чуть-чуть подправившая курс корабля. Теперь я сравнивал всех девушек не с Машей, а со своей избранницей, свои же поступки мерил не по Мише, а по ожиданиям ненаглядной. Как в песне, мы расстались мирно, без ссор, обид, недопониманий и упреков. У них своя жизнь, у меня своя. Но маленький кусочек сердца прочно закрепился за моими Машей и Мишей, прекрасными друзьями далекой юности.

Двадцать лет с тех пор прошли, как один день. Чего-то я таки в жизни добился. Смотрю в зеркало – просто картинка. Чудь седоватый профессор с бородой, уважаемой женой и двумя подрастающими детьми. Мы ездим на профессорские встречи, общаемся по вечерам с коллегами по работе или просто сидим у камина в собственном доме. Супруга любит рассказывать дочерям, как уберегла меня от сползания к профессии грузчика, и девчонки смотрят в мою сторону негодующим взглядом. Видно, сама мысль о том, что их папа мог оказаться простым лялечником, повергает их в гнев. Но я обнимаю всех домашних, прижимая к себе, и, как могу, высказываю благодарность за то, что спасли, уберегли, сохранили.

Ночь смыкает глаза, и я тихонько спускаюсь вниз, дабы посмотреть фильм про горы и ветра, сила которых сравнима только с мужеством альпинистов. Я шлю привет Мише

и Маше, и тут же усыпаю в кресле у телевизора...

Мишу я встретил как-то мельком. Я бежал куда-то по улице, и меня окликнул абсолютно седой старик, в чертах которого Михаила можно было углядеть с большой натяжкой. Мы обнялись и стали сразу о чем-то говорить. Я увлек Мишу за собой в ближайшее кафе. Тот как-то сконфузился, бормоча о забытом дома кошельке. Я строго наругал его за мещанский подход и заказал все меню еды. На второе решили взять водку. Миша долго ел, тщательно пережевывая пищу, и молча глотал рюмку за рюмкой.

Единственное, что я успел понять: японцы не выделили какой-то грант, отчего, собственно, он сейчас на мели. Также я понял, что Миша давно не женат на Маше, уже почти двадцать лет. То есть они расстались практически сразу, как прекратились наши вечерние посиделки. Лезть в душу я не стал.

Миша как-то мимоходом сказал о новом Машином дыхателе, богатом и влиятельном бизнесмене, сходу испулавшем Машу в брендовой одежде, дорогих украшениях и кружевном женском белье, разумеется. Сам же Миша сейчас женат, я так и не понял, какой раз. Понял, что женат он недавно, что избранница молода, и у них годовалый ребенок.

Миша вдруг потерял связную речь и упал лицом в салат. Я вызвал такси и полночи угадывал домашний адрес по найденной в его кармане записной книжке. Супруга Михаила встретила меня с телом на руках со стоическим видом. Мы

дотащили Мишу до кровати, и она ловким движением стянула с него обувь. Заплакало дитя. Девушка убежала, но вскоре вернулась с малечей на руках. Я стал предлагать какую-то помощь, совать деньги и визитку, но Мишина супруга лишь устало покачала головой. В ответ она предложила мне макарошек, и я, отказавшись, с испугом вылетел на улицу, даже не узнав ее имени.

Не разбирая дороги, я шел по ночному городу. Мне вдруг отчего-то стало казаться, что предали меня, а не Мишу. Я верил в любовь, только памятуя, как Маша и Миша были близки двадцать лет назад в той чертовой съемной квартире. Видя, во что превратился мой друг, я требовал кару господню на голову Маши и ее бизнесмена, кляня весь женский род. Я забыл о своей семье – жене и дочерях. Мне казалось, что мы вновь втроем стоим на балконе и курим сигареты одну за одной, запивая все сангрией. Я вновь слушаю рассказы про горы и мысленно поднимаюсь вслед за друзьями. Двадцать лет я шел по намеченному пути, видя спины друзей и чувствуя страховочный трос. А они! Точнее, а Маша! Ах, Маша, Маша!

Домой я пришел под утро. Наверное, на меня было страшно смотреть. Я сбросил одежду и лег на ковер у камина. Нужно было срочно согреться, каждой клеточкой ощутить тепло. Чуя мои стоны, из спальни спустился наш пес и улегся рядом. Благо, сто килограмм сенбернара давали внушительное тепло. Я обнял пса и уснул. А с утра пошел на работу,

как ни в чем не бывало, вернувшись к ежедневным хлопотам и заботам. Пожалуй, разве что перестал по вечерам смотреть канал путешествий.

Да, кстати, важное. Я встретил Машу на обложке глянцевого журнала. Супруга миллиардера. Супруг спортивный с интеллигентным лицом. Они сфотографированы на личной яхте с детьми, собаками и челядью. В интервью Маша пишет, что всем и во всем обязана супругу. Что, дескать, он превратил ее жизнь в сказку. Что с ним она поняла, что значит для женщины быть принцессой, притом любимой принцессой. И самое главное, что она счастлива, состоялась как человек, как ученый, как мать и жена. Еще она написала, что друг из детства часто приносил в ее дом сангрию, и этот напиток, хоть и не самых благородных кровей, до сих пор ее любимый.

Я взял и расплакался. Чего? – спросите меня. Не отвечу. Я выл, как волк, от несправедливости жизни, от ее неумелой устроенности. Требовал все переиначить и грозил кому-то кулаком. Все вышло не так, как мыслилось. Плохо ли, хорошо – мне ли решать? Я долго смотрел в окно и видел себя стоящим рядом с Машей и Мишей на балконе съемной квартиры. Я снова был студентом вуза. Слезы катились из глаз, а друзья раз за разом уговаривали меня не печалиться. «Все же хорошо», – говорила мне Маша. «Все же хорошо», – вторил Михаил.

Карты не врут

Говорят, что карты не врут,

Не умеет бумага лгать.

Люди судьбы на части рвут,

Не сумеет друг друга понять.

А. Шилова

Шутка шуткой, а Ивану Ильичу нагадали 90 лет жизни. В пять и пятнадцать тебе кажется, что 90 и 900 – это одно и то же. Даже в пятнадцать 50 равно 500. Вот только с годами законы математики берут верх, и ты уже не ставишь знак равенства между цифрами, отличающимися на ноль. Вот Иван Ильич, отметив с друзьями полтинник, выслушав их банальные тосты о первой половине жизни и второй молодости, загрустил. Отчего-то стало так жаль себя, свою рано и безвозвратно ушедшую молодость, приносившую так много сладостных мечтаний в повседневную жизнь.

Выпроводив гостей за порог, Иван сел у открытого окна и с припасенной к торжеству сигарой стал вливать в себя остатки коньяка, закусывая дольками подслащенного лимона. Вначале юбиляр пытался, как в кино, выдувать дымом изо рта некие геометрические фигуры, скажем парусник или хотя бы стрелу, но вскоре тщетность этих попыток стала очевидна, да и в горле стало изрядно першить от крепкого табака. Тогда Ильич раздавил остатки сигары о пепельницу и вы-

пил еще глоток янтарной жидкости из бокала. Коньяк согрел внутренности, и отчего-то захотелось жить и петь, как птицы с приходом весны, но более этого тянуло спать. Иван Ильич примостился на диван, и наскоро укрывшись пледом, захрапел во всю свою мочь. Храпел он так самозабвенно, что мы можем только порадоваться одинокому образу жизни юбиляра. В противном случае живность сбежала бы из дома и предпочла бы пережить могучий сон Ивана Ильича прямо под открытым небом.

Очнувшись, Иван Ильич был полон решимости в корне что-нибудь изменить. Но от столь кардинальных действий его отвлек запах остатка сигары. Наполняющая приятным ароматом мир во время горения, она, будучи раздавленной о дно пепельницы, начинает источать дикую вонь, проникающую в самые потаенные уголки помещения. Иван Ильич решительно отворил окно и вытряхнул туда пепельницу. Обернувшись, он ойкнул и слабо опустился на подоконник. За столом сидел приличного вида господин в костюме и что-то потягивал из серебряной фляги. Сделав добрый глоток, господин закрутил крышечку и как бы ненароком представился Аристархом Ксенофоновичем. Юбиляр выпустил пепельницу за окно и мужественно потерял сознание.

Пришел в себя он от запаха нашатыря, любезно источаемого кусочком ваты, приложенной к носу. Вату в руках держал Аристарх, всем своим видом выражая великое страдание и участие. Банальностей не хотелось. Что за дикость в та-

ких ситуациях спрашивать: «кто Вы?» или «что Вы тут делаете»? Фу. Иван, аккуратно сопровождаемый Аристархом, сел за стол и начал греть бокал коньяка в руках. Аристарх вновь открутил крышечку на фляге. Выпили. В глазах стало проясняться, но память отказывалась как-нибудь разумно объяснять происходящее. Аристарх сузил зрачки и как-то буднично, между прочим, вымолвил, обращаясь в пустоту: «Вот и тебя так же. Сожгут и выкинут пеплом. Скоро, поди уже». «Каков хам», – подумал Иван Ильич. Ну, во-первых, не скоро, сорок лет еще впереди, если верить гадалке. А во-вторых, твое какое дело, морда? Иван почему-то решил для себя называть нежданного гостя мордой, и это придало ему сил. Громко выдохнув и решительно сдвинув брови, кашлянув для важности, он произнес: «Предлагаете что-то?» Повисла какая-то нехорошая пауза, глаза гостя светились неестественным малиновым цветом. Уже почти поднесенная фляга ко рту остановила свой плавный ход и резким движением руки опрокинулась в чистый бокал. Бокал наполнился до краев, и его содержимое не оставило ни единого сомнения у Ивана Ильича. «Кровь», – вымолвил он и тотчас уронил себя на пол.

Очнулся он опять от запаха нашатыря. «Так, поди, – промолвил Аристарх, – мы долго еще будем беседовать. Давайте все сразу. Я вампир, пью кровь и живу вечно. Меня нет смысла травить чесноком, я не боюсь серебра и осиновых кольев, спокоен к попыткам отрубить мне голову или сжечь, более

того, мне не нужно приглашение, чтобы вот так, по-дружески, заглянуть к кому-то в гости. И пожалуйста, не нужно лезть в шкаф за крестиком и святой водой – я атеист. На этом все новости. И если Вы вдруг решите, как кисейная барышня, в очередной раз грохнуться оземь, то все новости я Вам поведал, и больше чудес не предвидится».

Но терять сознание от этой речи вовсе не хотелось, и Иван уселся в кресло с видом явного раздражения на лице. «Что же Вам угодно, о бессмертный вампир-атеист?» – произнес юбиляр не без доли сарказма в голосе. Ксенофонтович посмотрел на него с укором и оскалился с легкой усмешкой на губах. Заостренные боковые резцы блеснули и вновь скрылись за щеками. «Я уж думал, что обойдемся без пошлости. Но, возможно, я к Вам слишком строг. Да и праздник у Вас, юбилей. Надо бы к Вам помягче. Давайте без обид». И, чокнувшись с воздухом, вампир пригубил из своего бокала. «Позвольте продолжить, – закончив глоток, вымолвил Аристарх. – Вы уж простите, если затронул чувствительные струнки Вашей души или какие религиозные убеждения, но я подустал от типичной человеческой реакции. Не гоняете же Вы святой водой, скажем, летучую мышь. А она тоже не розами питается. Да и что это за гастрономический геноцид? Значит, Вам мясо с кровью, говядинку, скажем, повар подает, причем всем – и верующим, и нет. А если я только кровь предпочитаю, то я тварь бесовская? Вы на себя посмотрите со стороны, попервой. Одежда и обувь из кожи,

шубы из натурального меха – это все как, можно? Между прочим, среди нас, вампиров, как и среди людей, тоже разные типы встречаются, кто верит в Бога, а кто, как я, атеист. Отнеситесь ко мне просто как к принципиально другому существу, скажем, к мамонту. Вам так легче будет».

Иван поежился, но продолжил смотреть на гостя, не отводя глаз. Затем развязно, как делаем мы зачастую, оказавшись в сильно необычном обществе, всем видом демонстрируя напускное спокойствие, вымолвил: «И все же, чем обязан?» Вампир, сделав примирительный жест рукой, искренне старался сгладить скомканное начало знакомства. «Да я к Вам, любезный Иван Ильич, собственно, вот зачем. Кровь мне Ваша не нужна, тут уж увольте. Я, видите ли, гурман, привык все экологически чистое, не серчайте. Да и вампиром я Вас сделать не могу, как, кстати и летучей мышью, и мамонтом. Шутка моя, что, дескать, и Вас так же, как Вы сигару, не к месту, увольте. Просто нам сильно чужд Ваш обычай усопших сжигать в печи и пепел затем рассеивать над водной гладью. И похоронят ли Вас в 90 лет в земле или сожгут, я уж, право, тоже не знаю, не серчайте». «90!», – подумал Иван с облегчением, и одобрительно посмотрел на собеседника, запив его слова очередным глотком янтарного алкоголя. «Мне помощь, – продолжил Аристарх Ксенофонович, – нужна, с тем и прибыл». «Чем же, позвольте?..» «Да самой малостью. Спор у нас вышел с друзьями, пари. А как Вы знаете, для нас, мужчин, пари – дело чести».

Дело приобретало совсем уж комичный оборот. Почувствовав себя не просто в безопасности, а в состоянии повышенной эйфории, как чувствует себя путник, разогнавший одной палкой стаю голодных волков в дебрях ночного леса, юбиляр вдруг расслабился и увидел в собеседнике старого друга молодости, зашедшего к своему знакомцу за помощью и добрым словом. Нахлынувшее сострадание выдавило из юбиляра скупую слезу, и он весь обратился в слух. Вампир действительно был взволнован, и боковые резцы еще несколько раз предстали миру. «Видите ли, все, кроме человека, живые существа никогда не ошибаются в выборе вожака. Это как инстинкт, волк, мамонт, летучая мышь, вампир, выбранный из всех претендентов, безусловно, окажется лучшим из лучших среди вида или стаи. Только у людей природа дала сбой, или они сами сумели преодолеть ею заложенное. Вот Вы за свои 50 лет 6 раз были на выборах президента, шесть раз голосовали. Я, каюсь, слышал как-то мимоходом, как Вы, Иван Ильич, поносите ранее выбранных вожаков. Вот, собственно, и вышло у нас пари, часть моих друзей считает, что в людях произошел сбой четко работающего механизма, а я с другой группой утверждаем, что в этом есть глубокий смысл, и люди делают так нарочно. Научились же люди летать, не будучи крылатыми. Создали самолеты. Вот и тут, дескать, так же. Единственно, что мне крайне нужно придумать или найти некое разумное объяснение, зачем Вы так поступаете? Это ведь не самолет, с которым все понят-

но. И я сжульничал, прилетел инкогнито за советом к Вам. Больно уж не хочется пари проигрывать».

Иван Ильич был рад встретить такого прогрессивного вампира, тем более видеть его своим гостем. Он даже встал с дивана и начал отвечать, неторопливо вышагивая по комнате. «Вы уж не извольте беспокоиться, победа в пари за Вами». За Вами, за ними. Что ж такое бы сказать? Мысль вертелась рядом с неким великим знанием, но при прикосновении она ускользала, как девушка по пути в опочивальню. «Эврика», – промолвил юбиляр себе под нос. «Видите ли любезнейший Аристарх Ксенофонович. Человек – существо в высшей степени социальное, и ответственное перед своим потомством. Мы, в отличие от многих живущих видов, думаем не только о своих птенцах, и то до определенного возраста, а несем ответственность за весь род человеческий. Как Вы прекрасно знаете, за свою бесконечную жизнь все новое, прогрессивное, появляющееся на этапе цивилизационного развития, рано или поздно устареваает и вновь сменяется новым. Где мамонты? Нет их уже. Нет с нами многих, кто был самым умным и сильным. Время и прогресс беспощадны. Да и те ли сейчас вампиры, а? Вырождение одно, Вы уж извините за прямоту. Ведь сейчас передо мной не граф Дракула сидит со своими очаровательными женами, а господин в сюртуке и флягой с кровью. Бессмертие оказалось бессильно перед законами эволюции.

Люди же оказались умнее всех остальных. Не останавли-

вая эволюцию полностью, наслаждаясь ее благами как мобильный телефон или самолет, мы все же ограничиваем ее рост, чтобы максимально долго удержать человечество от естественного вымирания. Вот лично я, например, знаю, что уйду в 90. Но я при этом постараюсь сделать так, что и мои дети, и внуки могли появиться на свет и радоваться плотским утехам, прожив свои 90, или сколько им будет отведено. Поэтому и голосую за тех, кто точно не продвинет цивилизацию вперед сверх необходимой меры, за людей с четко заложенной природой планкой. Для простоты Вы можете себе представить, что мы негласно договорились установить порог в уровне IQ, скажем, 70. Набрал человек 100 баллов, значит он под большим вопросом. Набрал 200, не бывать ему президентом. Я, например, со своими 150 потому и не президент, даже не баллотируюсь. А ругал я, милейший, их за свершаемые сверх меры хорошие дела. Бывает, выбрали с семьюдесятью баллами, а он мост какой быстро построил или больницу новую открыл».

Фонтаны мудрости лились из уст юбиляра, и со стороны могло показаться, что прилежный ученик слушает в доме у профессора ненароком произнесенные слова, коим суждено стать основой открытия или даже научной революцией. Привстав, вампир обнял Ильича и выпил кровь юбиляра, смачно присосавшись к шее. Наполнив остатками флягу, он потянулся и, глянув на обездвиженное тело, мысленно посоветовал ему поменьше слушать гадалок, хотя этот со-

вет Ивану Ильичу несколько запоздал. Еще минуту побродив по комнате, он плавно растворился, достигнув просторов, ведомых только его племени.

Но что-то не давало ему покоя, словно заноза сидело в груди и мешало наслаждаться плодами удачной охоты. «Уж не отравился ли чем», – подумал Аристарх. Что-что, а экология в последнее время и вправду не та, может, занес себе дрянь какую-то с кровью добычи. Мысль текла и текла своим чередом. С каждым витком развития человечества все новые и новые промышленные горизонты портят экологию, тают арктические льды. Может и впрямь нужно сдерживать цивилизацию, а то вымрут, скажем, вампиры от плохого питания. Затем мысль плавно перешла на вампиров. Раньше-то граф Дракула ведь и впрямь весело жил в своем средневековье. Дворцы, женщины, приключения. А сейчас, эх! Налицо вырождение, надо что-то менять. «Назад – это тоже вперед!» – подумал Аристарх. Вперед к замкам, приключениям, к ночному ужасу. Долой прогресс.

Бессмертного вампира съели соплеменники ровно через сорок лет, в канун очередных выборов президента у вампиров. Его идеи настолько оказались востребованы, что вампирское сообщество резко скакнуло назад и по ошибке проскочило желаемый рубеж, вернувшись к людоедству, то есть вампироедству. Но это не беда, это можно как-то разрулить потихоньку, снова двигаясь вперед, стараясь, единственно, не слишком преуспеть в этом начинании. Вместе с Аристар-

хом перестал существовать и Иван Ильич, аккуратно поселившийся до этого в теле и мозгах Ксенофонтовича, то есть ушел ровно в свои 90, как и предсказывала гадалка. А все потому, что гадалкам и картам нужно верить. Карты не врут.

Репутация

*И теперь, чтоб вопрос справедливости честно
решить,*

*А не праздновать вечно с любыми невзгодами
братства,*

*Пусть меня огорчат, подарив хоть однажды
богатство,*

Ибо верю: я зло это твёрдо смогу пережить!
Эдуард Асадов

Была одна маленькая проблема. Даже не проблема, проблемка: хранить денежки в банке в родной стране было глупо. Страшно ходить ночью по темным переулкам, а хранить деньги в банках, которые рассыпаются в прах при первом дуновении ветерка, – безрассудно. Раз уж получилось заработать копейку, сохранить ее – задача святая. И Иван Евсеевич думал о ней со всей подобающей серьезностью. «Оно ведь как? – говорил Евсеевич. – Банк – как приличная девка, без конфетно-букетного периода не даст. Или соглашайся на гулящую, или вперед, к вздохам на луну, букетам, робким поцелуям и стихам Есенина. Стоящий банк – как стоящая девка, тоже ценит, в первую очередь, свою репутацию, так как это все, чем отличается он от других подобных. А значит, noblesse oblige (положение обязывает)».

Поэтому Иван и нырнул с головой в создание фабрики

по производству биоюгуртов. «Ешь, не сомневайся!» – красовалось на всей продукции и было выбито на гранитных ступеньках офиса завода, а также на всей рекламной продукции. Йогурт продавался в благородной желтой упаковке, и каждая порция выглядела дороже слитка золота в банковском хранилище. Такое чудо не то что есть – смотреть на него было уже удовольствием. Но Иван Евсеевич не ограничился невиданным качеством продукции. Сделав цену, как у конкурентов, он просто выбил их с рынка и, более того, каждую десятую упаковку бесплатно отправлял в детские сады. «Это не дань и не благотворительность – это право, возможность творить благо!»

Разоренные конкуренты жалостливо трясли калькуляторами на пресс-конференциях, пытаясь убедить всех в очевидной нерентабельности такого предприятия, чем вызывали в зале лишь ехидный смех и улюлюканье. А «ешь, не сомневайся» платил налоги так, что в ДФС к приходу Ивана Евсеевича стелили красную ковровую дорожку, и лично глава ведомства омывал ему ноги, вытирая их затем душистым полотенцем.

Менеджмент банков, входящих в первую мировую пятерку, стал частым гостем фабрики и уезжал, только отведав ее славную продукцию. Кто робко, кто настойчивее звал Евсеевича к себе в клиенты, но тот, как полагается в таких случаях, водил немножечко «динаму», прежде чем отдаться в теплые швейцарские руки. А затем, как и полагается молодой

влюблённой, отдавался неистово, заводя сразу свои миллиарды, добытые на продаже своего биочуда.

О невиданном успехе Ивана Евсеевича, сколотившего состояние за каких-то три года после запуска фабрики, писал «Форбс» и печатал «Блумберг». Его успех пытались повторить практически в каждой стране цивилизованного мира. Но что-то не клеилось у других, что-то не срасталось. Попытки скопировать «ешь, не сомневайся» вскоре иссякли, и к Ивану стали относиться так же, как, скажем, к Марку Цукербергу или Джеффу Безосу, сотворившим чудо там, где многие потерпели фиаско.

А всего лет за двадцать до этих событий, вознесших Ваню на пьедестал почета и уважения, он был нищ, как церковная крыса, и перебивался случайными заработками. Утоливши голод самым дешевым продуктом, Ваня любил походить взад-вперед мимо ларька, торговавшего вкусными сосисками в ароматной булочке. Надышавшись этими волшебными запахами, он отходил к ближайшей лавочке и, устало опускаясь, впадал в дрему. Обманутое сознание говорило желудку о вкусностях, перевариваемых в нем, и последние отбросы превращались в необходимую жизненную энергию с величайшим удовольствием для уставшего тела Ивана.

Решительный шаг к новой жизни Евсеевич сделал в двадцать один, когда подобрал выкинутый чуть ли не на голову из окна чемодан. Тот раскрылся от удара о землю и обнажил свое содержимое, включавшее в себя в основном пакетики

с белым порошком. Большое количество машин с мигалками у подъезда не заставили Ваню сомневаться в содержимом находки, и он, молча подхватив «дар небес», ушел подобру-поздорову. На следующий день он прочитал в прессе о громкой операции по борьбе с наркотиками и нашел в справочнике адрес уважаемой юридической фирмы, принявшей на себя труд защиты подозреваемых. Охрана не очень охотно пропустила Ваню в офис, но к их глубокому удивлению, после первых слов гость был встречен повышенным вниманием и уведен в кабинет к старшему партнеру.

Евсеевич мог, конечно, по дешевке сам сбыть товар, но это был бы, в его понимании, глупый поступок, разовый. Поэтому решительно отказавшись от вознаграждения, он попросил одного – работу. Уже через месяц, в костюме и часах, Ваня запросто покупал себе заветные сосиски в булке и платил за мечту щедро, без сдачи. Еще он баловал доходяг вроде себя бывшего, прогуливающих мимо ларька с надеждой посильнее учуять аромат. Каждый вечер пятницы он покупал сосиски и раздавал от щедрот. «Человек – не тварь, – говаривал он. – Имеет право жизни радоваться. А ведь какая малость порой нужна, какая малость!»

Невиданная честность принесла Евсеевичу небывалые плоды. Честность и репутация – вот что отделяло его от иных наркоторговцев. Он не пил, не нюхал, не играл, почем зря никого не калечил, в общем, вел образ жизни весьма добропорядочный. Деньгами не сорил, попусту пыль в глаза нико-

му не пускал. К тому же, Иван Евсеевич и вправду много делал для людей, для их блага. «Нельзя бороться с социальными проблемами административными методами, это бессмысленно. Никто не гребет против течения – сам себя изведешь, измучишь, а толку ноль». Его не понимали, но зачастую слушали, поддаваясь магии слов.

Ваня, например, открыто поддерживал создание домов терпимости, но был ярким противником игорных заведений. Ну, придет мужик к девочкам – много ли в том беды? Все равно ведь пойдет, но только не пойми куда, а там его ограбят или заразят чем-нибудь. А так все чинно, благородно, да и насильничать народ, поди, станет меньше. И налоги в бюджет. А игорные дома – что в них проку? Это ж не девки, тут пока догола не разденут, не успокоятся. Не то, чтобы Иван считал дома терпимости делом непорочным. Просто он не верил в добро, точнее, в его силу, здраво рассуждая, что если бы добро было сильнее зла, то за столько лет существования рода людского оно бы давно победило дело нечистого. Но никакой викторией не пахло даже в первом приближении.

Зло может победить только зло, просто нужно стараться меньшим злом победить великое. Тут-то встречаются равные по силе соперники, и победа зависит лишь от того, на чьей стороне мы, люди. Потому легальный дом терпимости лучше игорного дома, а продажные менты лучше рэкета 90-х годов. Меньшее зло ведь так и называется – меньшее,

значит, лучше оно, чем большое, добрее, что ли. Доктор ампутирует руку – ведь зло творит, а все же меньшее это зло, чем человек от гангрены сохнет.

К тем же, кто делом добра опекался искренне, Ваня жалости, сочувствия не питал ни на йоту, злейших врагов в них видел. Для наглядности такую картину себе рисовал, что, дескать, стоит он впереди воинства «зла меньшего», не на жизнь, а на смерть с большим рубится. Все к битве готовятся, мечи точат, молитвы читают. И тут приходит такой юродивый. Штык, дескать, в землю – будем сажать деревья. Или пиво вместо ракет. Расслабит своей болтовней войско, дух боевой подорвет, а зло великое дремать не будет – вмиг одолеет. Вот и выходит, что добряки эти – никто иной, как лазутчики вражеские, зла великого агенты. А на войне к таким пощады нет, без долгих разговоров к стенке.

Иван Евсеевич к своим сорока контролировал уже весь наркотрафик и конкурентов не разорял – утопил в крови, вот и весь сказ. Меньшее зло требовало. Те ведь бизнес цивилизованно вести не умели, жили, как мерзавцы, и умерли так же страшно. Евсеевич дал указ вырезать их всех, с женами и детьми малыми. Не от дури какой или жестокости беспричинной, нет. Просто требовалось отбить у всех желание в бизнес лезть, муть всякую в него приносить. Наказал бы он виновных не так жестоко – другие пришли бы им на смену, и кровь лилась бы и лилась, и вдовы с детьми малолетними множились бы на земле. Что ж хорошего в этом? А так один

раз, как грамотный садовод, вылол весь сорняк и землю под ним вытравил, чтоб ни зернышка не проросло, не завалялось. Вот и потекли денежки рекой в карманы Ванюши, заставляя задуматься о надлежащем их хранении – о банке.

А банк ведь что? – Тоже зло, но меньшее. И в нем ведь тоже люди работают, семьи свои кормят. Завел бы Ваня как-то по-глупому деньги в банк – подорвал бы его репутацию. Тот разорился бы вскоре и сотрудников своих выкинул на помойку сосиски нюхать. А так сотворил Иван Евсеевич свой биоюгурт – денежку через фабрику отмывать, отбеливать. Один профит всем от этого. Страна получила высококачественную продукцию по доступной цене, дети в садах вообще бесплатно его кушают, налоги платятся. Банку тоже хорошо – работает уже с чистыми деньгами, прибыль получает, бонусы сотрудникам вовремя выплачивает.

Оно, конечно, в корне, в глубине дело недоброе таится, но зло это меньшее, что с большим борется. Убрать его – и всё рухнет в один момент, в яму свалится. Закроется фабрика «ешь, не сомневайся», вновь конкуренты станут свое дешевое биогавно делать, вновь оголтелые банды станут дурь таскать, людей воровать да девок сильничать. Рынок пустоты не терпит – мгновенно наполнится. «Не добро придет на смену, ох, не добро».

Кстати, «ешь не сомневайся» стало брендом, стандартом качества. Многие фирмы хотели получить право работать под этой маркой, дабы покупал люд, не сомневался ни в чем.

Евсеевич право такое за долю давал, но к делу подходил строго. Не суть, в чем твое малое зло, где ты деньги берешь, но коль задумал работать под маркой «ешь, не сомневайся», то изволь соответствовать – и товар чтоб был лучший, и детям десятину. И главное – чтоб репутацию не опозорить, так как она, родимая – все, что у нас есть, все, чем девка гуляющая отличается от порядочной. А руки и ноги, как и другое всё, у всех у нас одинаковые, из плоти и крови.

Дело крылатых

*Каждый раз, когда кровь на ладонях
И падают слезы из глаз,
Очень больно смотреть,
Когда кто-то страдает за нас*

СПЛИН

«Встать, суд идет! Слушается дело „крылатых“ под председательством судьи, пользующегося уважением всего королевства».

Судья: «Прошу сесть. Уважаемые участники процесса, его величество Король доверил мне вести этот процесс. Не скрою, что я пытался отказаться от рассмотрения данного дела по известным причинам, но Король был непреклонен. Поэтому, начиная процесс, я повторю клятву, которую дал, принимая судейскую мантию: „Обещаю приложить все свои знания и силы на благо королевства и его обитателей“. Прокурор, Ваше слово».

Прокурор: «Ваша честь! Судим ли мы намеренья? Нет и еще раз нет. Намеренья – это то, что может служить смягчающим или отягчающим обстоятельством. Только лишь так. В первую очередь, Подсудимый предстал перед судом по результату своих действий. А результатом стала гибель десяти единорогов, что по совету подсудимого бросились со скалы вниз и разбились о земную твердь. По нашему ра-

зумению, Подсудимый виновен в убийстве, так как неважно, столкнул ли кто в пропасть единорога или обманом завлек в нее. Оттого и карой за такое злодеяние может быть только смерть».

Защитник: «Высокий суд! Мы все скорбим о безвременной кончине десятерых из нас. Но предъявляя обвинение, Прокурор не привел ни единого аргумента, подтверждающего вину Подсудимого. Стокнул ли он в пропасть десятерых единорогов, обманул ли их в чем? Ясно только одно – что на гору поднимались одиннадцать, а спустился один. Обязанность доказывания лежит исключительно на стороне обвинения. Прошу Вас обязать Прокурора предоставить улики суду».

Прокурор: «Хорошо известно, как Подсудимый смущал умы жителей нашего королевства. Множеством свидетельств подтверждается факт неоднократных призывов со стороны Подсудимого к единорогам бросить земную твердь и воспарить, как птицы в небе. Для полета он предлагал использовать крылья, данные нам природой исключительно для красоты. Римское право, на котором базируется право нашего королевства, говорит: *cogitationis poenam nemo patitur* (никто не несет наказания за мысли). Следует отметить, что невозможность признания преступными мыслей и убеждений не означает невозможности признания преступным акта их внешнего выражения. Один единорог не мог самостоятельно столкнуться в пропасть десятерых. Ис-

ходя из этого, обвинение приходит к единственно возможному варианту, а именно: погибшие были обмануты речами Подсудимого и самостоятельно бросились с горы в безуспешной попытке взлететь. Результат этого – десять погибших, и память об ушедших требует максимально сурового наказания убийце».

Защитник: «Никто не несет наказания за мысли. Хорошо, правильно сказано. Тем более, никто не несет наказания за то, как его мысли были поняты другими. Для того и наделил создатель каждого своей головой, чтобы думать, осознать мир вокруг и принимать свои собственные решения. Если учитель в школе сказал ученикам, что единорог должен быть смелым, должен ли он нести ответственность за того, кто после попытался перепрыгнуть ущелье и потерпел фиаско? Может ли нести ответственность ученый, раскрывший тайну атома, когда его труд используется не только для создания электростанций, но и для производства смертоносного оружия? Подсуден ли данному суду вообще данный случай?»

Судья: «Юрисдикция данного суда распространяется на любое действие или бездействие жителя королевства. Подчас преступлением может оказаться даже невысказанная мысль. Скажем, путник, знавший, что мост вот-вот рухнет и не предупредивший остальных, виновен. Виновен также тот, кто смущал умы, скажем, призывая убить всех иной масти и племени. И именно суд призван решать, была ли

мысль истолкована неверно, воспользовались ли открытием ученого злонамеренно, или изначально мотив Подсудимого был преступен. Потому прошу прекратить ненужные прения и скорее перейти к фактической стороне дела».

Прокурор: «Многочисленные свидетели указывают, что Подсудимый призывал единорогов оторваться от земли и взлететь к облакам. В записях сказано следующее: „Проживая свою единственную жизнь прикованными к земле, мы проводим ее так же, как если бы повязка закрывала наши глаза. Пройдя свой путь слепым, как многого каждый из нас не успел бы постичь, увидеть, ощутить. И раз создатель одарил нас крыльями, то и жить, не используя их в полную меру – для полетов, есть сознательно ограничивать себя, идти против воли всевышнего. Шагните за мной вверх, сорвите повязку страха, насладитесь всей красотой мира, его бескрайними просторами“. Свидетели указывают на то, что сам смутьян ни разу при всех не воспарил на крыльях вверх, дабы подтвердить саму возможность полета. Однако десять единорогов таки пошли за Подсудимым на гору, и их печальная участь всем известна».

Защитник: «Я не могу сам взлететь, как не могу приказать это сделать Подсудимому. Но этот факт не говорит о невозможности такого в будущем или о злонамеренности таких мыслей. Мир всегда двигался вперед мыслями безумцев. Джордано Бруно, сожжённый в 1600 году на костре, говорил лишь о том, что сегодня известно каждому школьни-

ку. Но не будь таких, как Джордано, мы до сих пор считали бы Землю плоской и не ведали о бесконечности вселенной. Десять единорогов погибли, и это факт. Но обвинять Подсудимого в этом будет попыткой раз и навсегда положить конец мыслям, выходящим за общепризнанные пределы. Признай суд виновным моего клиента, и больше никто и никогда не захочет взлететь, навсегда заказав нам дорогу к небу».

Подсудимый: «Мне жаль, действительно жаль всех десяти-терых. Дорогой в горы я учил их, что каждый может оторваться от земли и воспарить, как птица, в небеса. Я звал их за собой и даже размахивал крыльями. Но видно, был понят неверно. Наши крылья, скорее всего, не годятся для того, чтобы парить на них в небесах, прыгая с горы. Но все же мы можем летать. Кто из нас не парил хоть раз над облаками, когда был влюблен или когда благая весть ласточкой влетала в окно. Не чувствовал ли себя каждый из нас на седьмом небе от счастья, когда семья озарялась криком новорожденного ребенка, или близкий человек, ранее казавшийся безнадежно больным, вновь возвращался к жизни? Мы лишаем себя возможности летать, самостоятельно спутывая крылья мелкими дрызгами и заботами, старательно увешивая ими перья. И вскоре навеки забываем о небесах, проживая жизнь прочно прикованными к земле. Я звал десяти-терых за собой вверх, предлагая сбросить с обрыва все бременное, а они шагнули вниз. Я искренне сожалею об этом... Мне

так же страшно умереть, как любому из сидящих здесь. Поверьте, я не строю иллюзий ни о вечной жизни, ни о приговоре данного суда. И все же даже сейчас я верю, что мы сами виновны в своей приземленности. Мы сами связали крылья путами. Вспомните то ощущение, когда создатель ода- ривал вас минутой власти над небесами, и постарайтесь сделать шаг навстречу».

Судья: «Все высказались, и для принятия окончательного решения я прошу оставить меня наедине с Подсудимым.

Виновен ли ты? Нет. Теперь я точно знаю это. Я был там, на небесах, когда вместе со своим взводом вышел из той мясорубки под Тиром. Мы пировали целый день, строя планы, как вернувшись с войны, заживем, какие дома построим, какие семьи создадим. Я был там, когда моя Изабелла подарила мне сына, я был там, когда она ушла от нас. Я провожал ее до самих небесных врат и плакал, оставшись там в одиночестве. И потому я верю тебе, Подсудимый.

Но помнишь ли ты, с чего я начал заседание? С клятвы «приложить все свои знания и силы на благо королевства и его обитателей». Если бы мне просто нужно было установить истину! Как быстро и легко я мог бы сделать это! Но моей целью, моим заданием является не установление истины, а благо жителей королевства. И в этот раз мне придется решать, что есть благо.

Это тяжкий, неоправданно тяжкий труд. Я мог бы вынести тебе приговор, не выслушивая Прокурора и Защитника. Их

речи были не для меня. Я дал возможность выслушать их тебе, чтобы мое решение было ясным.

Как устроен единорог? Вот мы говорим, что та или иная лошадь божественно хороша. Но отдаем ли мы себе отчет, что не своей красотой она выделяется? Она как раз представляет собой идеального, пропорционально сложенного усредненного единорога. Все остальные лошади, страстно завидующие ей, просто имеют отклонения от этой усредненной божественности. Кто-то – лишний вес, кто-то – редкую или слишком густую шерсть. Представь, что даже самая прекрасная лошадка имела бы пару лишних ног или крыльев. Кто бы оценил это? Это считалось бы уродством, ведь так устроены мы, единороги. Нам нравится все такое же, как мы, мы стремимся быть такими же, как мы, стремимся ничего не менять, достигая некой золотой середины – нашего совершенства. Пойди суд тогда, в 1600-м навстречу Джордано – что стало бы с миром? В один день люди не смогли бы отказаться от представления о своем прекрасном-усредненном и в ужасе сожгли бы судей вместе с Бруно, заодно залив кровью все королевство. Могут ли я простить тебя, когда под окнами суда родственники десятерых требуют твоей казни, а Прокурор и Защитник настолько глупы, что даже не отдают себе отчет, кого и за что судят? Я понимаю тебя, Подсудимый, так, будто ты был со мной на небесах все это время, под Тиром, с сыном и Изабеллой. Возможно, когда-нибудь наступит день, и мое решение будет осмеяно историей, а ты воз-

величен. Скажу тебе: я страстно желаю этого. Но этот день не наступит сегодня. «Виновен ли ты?» – спросят меня Прокурор и Защитник. И я скажу: «Да...»

Есть ли у тебя последняя просьба?»

Подсудимый: «Я очень хочу жить. Знаешь, я рад, что услышал от тебя правду. Мне было бы горько умирать, осознавая, что мой труд, плод моих мыслей, умозаключений уйдет, растворится вместе со мной. Теперь я спокоен, что после меня останется хотя бы один единорог, который знает дорогу к небесам. Но может, ты вспомнишь, как здорово тебе было над облаками, и скажешь „Нет“? Мы выйдем как братья и вместе с тобой укажем всем путь. Виновен ведь не только тот, кто не предупредил путников про худой мост. Виновен и тот, кто промолчал, зная о хорошем».

Судья: «Конвой, введите всех в зал суда...»

Мой приговор. Выслушав доводы защиты и обвинения, я приговариваю Подсудимого к испытанию. Стража поднимет его на гору и столкнет с обрыва. Взлетит Подсудимый – и все мы вскоре будем летать. Упадет вниз камнем – докажет зловредность своей теории и сам покарает себя. На взгляд суда, такое решение послужит на благо всего королевства. Есть ли у Подсудимого последняя просьба?»

Подсудимый: «Нет. Мне не о чем просить Высокий суд. Вскоре я взлечу и, очертив крыльями небосвод, скроюсь в небесной глубине. Мне нечего более просить. Скорее в путь».

Повесть о ненастоящем человеке

Костры, как и души, бывают разные:

Одни – эгоизмом сырым коптящие,

Другие – светло для людей горящие,

Щедрые, жаркие и прекрасные

Эдуард Асадов

Жил-был ненастоящий человек. Нет, с виду он как раз был настоящий: две руки, две ноги, нос и два глаза. Просто сильно он был не похож на известного героя из «Повести о настоящем человеке», совсем не таков. Нашего героя звали Илья, и для его краткой характеристики, чтобы не утомлять читателя, мы охарактеризуем его как в высшей мере эгоиста.

Илья был неглуп и изрядно образован. Зная разницу между Бахом и Фейербахом, понимая, почему корень квадратный из x в квадрате равен модуль x , Илья был приятным и обходительным собеседником. Он, как в целом свойственно любому эгоисту (а Илья был им гораздо в более превосходной степени, чем любой), следил за собой, за своим внешним видом в частности. То есть он был подкачан, одет с иголочки и со вкусом, у него приятно пахло изо рта, и он мог усладить собеседника беседой, если, конечно, желал этого. А Илья желал. Эгоист делает, в первую очередь, то, что выгодно, приятно, интересно ему самому. А Илье было выгодно быть приятным, общительным собеседником. Это

само собой приносило кучу преимуществ от продвижения по службе до приглашений на званые вечера и дружеские попойки.

На работе Илья старался сверх всякой меры также исключительно из эгоистических побуждений, так как бескорыстно любил денежные знаки и был полон желания обладать ими в как можно большем количестве. Шеф дивился старательности чисто плотного сотрудника и продвигал его по карьерной лестнице, наплевав на очередь и выслугу лет. «Эгоист», – впервые услышал тогда в спину Илья и в целом был согласен с этим. Думал-то он действительно в первую очередь исключительно о себе.

Жену наш герой баловал также сверх всякой меры. Уж очень нравилось Илье иметь под боком симпатичную женщину, чтобы было приятно потрогать, посмотреть и в люди не стыдно выйти. И если уж бросал кто на его благоверную завистливые взгляды, то легкая зависть бальзамом согревала сердце и приятно услаждала душу. Подруги, ясное дело, не раз высказывали Маше свои соболезнования (супругу Илья звали Марией): мол, непросто жить с эгоистом под одной крышей, но та все больше отмалчивалась, лишь взгляд становился жалостливым и грустным, как у побитой собаки. Разбредаясь по домам, подружки долго судачили с мужьями о том, как Маше в жизни не повезло со второй половиной, но более всего о том, как плохо село на Марию новое платьишко от Шанель и как подчеркивает недостатки фигуры

колье из натурального жемчуга.

Видимо, планируя получить как можно больше дивидендов от детей, Илья и на них реализовал свои гнусные намерения: бедняги разрывались между школой, репетиторами и спортивными кружками. «Совсем урод лишил чад детства», – говорили друзья и горько качали головами. В общем, в личной жизни, в работе и в воспитании детей Илья думал только о своем собственном благополучии.

И в труде, и в бою
Думал наш Илюша про Илью.

Мало кто задумывался из живущих ныне, какой мощный двигатель – эгоизм. Прорыв в развитии общества, когда на смену крестьянской лошадке пришел железный конь, – ничто по сравнению с человеческим эгоизмом, управляющим Ильей денно и нощно. Даже любовью наш герой занимался не второпях, а с чувством, с толком, с расстановкой, провоцируя супругу на стоны, изрядно мешавшие соседям. Съехав, наконец-то, в собственный дом, Илья сделал большое одолжение всему подъезду, в коем проживал ранее. Дворник Терентий, вселившийся по разнарядке в прежнюю квартиру Ильи, пил вечерами и даже, бывало, поколачивал супружницу, что тоже не происходило в полной тишине. Но Терентию такие вольности сходили с рук, и долго на него никто не ворчал. Так достал, видать, соседей преды-

душий жилец своим эгоизмом и самовлюбленностью.

Знаете, а ведь эгоистов никто не любит. Просто их это не слишком задевает. Что им чужое мнение, когда только свои мысли важны, а желания востребованы. Идет себе такой человек по жизни, как ледокол, раскалывая на своем пути льдинки, но обходя стороной огромные айсберги. А все, чтоб и до цели поскорее добраться, и себя сильно не поцарапать. Эгоист, одно слово. Другие вон о людях думают, в церковь ходят, а этот нехристь живет, как будто мир ради него одного выстроен, и все вокруг него, ирода, вертеться должно, как планеты вокруг звезд.

Никто уж и не удивился, когда Илья под свой новый дом купил приличный кусок земли с лесом и речкой, пробежавшей аккуратно вдоль участка. Шеф Ильи до последнего отказывался верить дурным слухам, но когда наш герой уволился с работы и открыл свой бизнес, да еще точно с таким же профилем, как в конторе шефа, тут уж крыть было нечем. Часть сотрудников перешли в новую контору Ильи, прельщенные более высокой зарплатой, но связи с прежней работой не теряли. Забегут, бывало, к прежним коллегам, посудачат, на жизнь свою горькую поплачутся. Мол, нет никакого с Ильей сладу, ни о ком, кроме себя, не думает. Если бы не зарплата, так убили бы гада. А так что? – Приходится терпеть.

Редко, но бывали у Ильи и домашние вечеринки, когда родители, родственники всех мастей и особо близкие друзья

собираются под одной крышей. Илья сибаритствовал, устлая стол дорогими винами и яствами, даже в этом показывая свой норов. Обычную водичку он пить, видите ли, не может, в стекле ему подавай. Но терпеть Илью терпели, ведь горбатого, как говорится, могила исправит. Один раз Илья на такие посиделки не поспел из-за срочного сверхприбыльного заказа, поступившего незадолго до намеченной даты. Взвесив все за и против, он выбрал заработок и взял у клиента предоплату. Так что все посидели без него да и разошлись. Но было-то здорово, душевно. Глаза никому не мозолил этот чертов эгоист, и веселье било фонтаном.

Родители Ильи попросили Машу отправить их домой на Илюшином Мерсе Эске, так как Лексус, забиравший их из дома, был жестковат и поскрипывал на ухабах. Отгородившись от водителя стеклом, они мило дремали первую половину дороги. Затем мать Ильи, приобняв супруга, заглянула ему в глаза: «Как же сын вырос у нас таким эгоистом? Где мы просмотрели с тобой? В чем?» Супруг не ответил, лишь горько вздохнул, погладив супругу по руке. Мама еще повздыхала, пожалев Машу и внуков, и потом вновь предалась дреме.

«Счастлив ли был Илья?» – спросите Вы. Да, ведь если человек эгоист, то никто и ничто не мешает ему строить жизнь под себя. Такой народец крайне просто организован; что ему, как говорится, страданья Анны Франк? Делает ли такой человек счастливым кого-то? Нет, конечно. Ведь не то,

что жить под одной крышей, видеть раз в день такого выродка – для нормального человека уже мука. Эгоизм – как уродство, болезнь, проказа, выпирает из-под одежды и режет взгляд. Был бы закон мудрей, он выселял бы таких уродцев на самый дальний остров, подальше от людских глаз и судеб. Подчас сотрудники Ильи даже регистрировали на сайте президента петицию с целью принять такой закон, и однажды, набрав необходимое количество голосов, законопроект был подан в сессионный зал. Но депутаты были заняты бесконечными выборами и так и не успели его проголосовать.

Как ни странно, но горб Ильи не исправила даже могила. Умер он, несмотря на правильное питание и здоровый образ жизни, рано и неожиданно, даже в смерти не бросив крайнего эгоизма. Продуманный урод оставил завещание с требованием дорогих похорон и памятника. А более всего – с обидным требованием бизнес не продавать и развивать его дальше. Благо, бывший шеф Ильи, человек глубоко нравственный и порядочный, простил усопшему все прежние обиды и выкупил у вдовы за бесценок бизнес и дом, содержать который было ей более не под силу. Забрав в придачу Эску, он перевез семью Ильи в квартиру к его родителям на поскрипывающем на ухабах Лексусе. Вдове поначалу пришлось даже кое-что продать из ранее приобретенных Ильей украшений. Благо, подруги выручили и раскупили побрякушки, дивясь непрактичности покойного. «Как можно было закупить такие непрактичные, вышедшие из моды вещи?» – причита-

ли они и брали недорого, себе в убыток.

Но тут дворник Терентий представился от вечных пьянок, и его супруга, бросив городскую квартиру, вернулась к родителям в деревню. Вдове Ильи ЖЭК предложил в пользование их старую квартиру и работу дворничихи. Хотя и был муж эгоистом, а вдове надо помогать, дело это святое. Семья Ильи, вернувшись от родителей в новую старую квартиру, боль от утраты перенесла и зажила нормальной человеческой жизнью. Лишь два раза в году, в день смерти и в день рождения Ильи все родственники и особо близкие друзья собирались у поросшей травой могилки без памятника и даже надгробия с бутылкой самого дешевого вина. Помянуть – оно ведь дело святое. О мертвом как? Либо хорошо, либо ничего. Потому, помолчав, они разливали по пластиковым стаканам жидкость и опрокидывали ее в рот.

Маму Ильи соседки утешали, порой напирая, что внуки, слава богу, остались. Они-то вон какие милые растут. С уходом Ильи им таки удалось забросить учебу и как нормальным детям прогуливать бурсу на сеансах кино, обильно заедаемых попкорном. «Слава богу, что хоть эгоизм не передался по наследству», – радовалась бабушка, глядя на внуков.

Был человек и нет человека. Что оставил он после себя? Память? Важно ли это ушедшему? Жил он только для себя и был всегда доволен этим фактом. Что уж теперь? Судят ли его за это там, на небесах, или прощен он был? Кто знает?

Разве что остается вопрос: зачем такие люди приходят в этот мир? Может, для того, чтобы мы были лучше, чище, добрее, чтобы давили эгоизм в себе капля за каплей до окончательного исцеления?

А вдову Ильи, кстати, вскорости все забыли. Родители ушли в мир иной за Ильей вдогонку. Дети выросли и уехали, подружки растворились где-то. Сама она мела в тулупе двор и прокуренным голосом распугивала бомжей. Звали ее теперь не Маша, а Терентьевна, очевидно, в честь бывшего дворника Терентия. И глядя на нее, трудно было увидеть не то что нежную и очаровательную девушку, внушавшую вожделение Илье, но и женщину вовсе. Но человек Терентьевна была хороший, и в дождь, слякоть, мороз пускала к себе погреться местных бомжей за чекушку и доброе слово. Уж как жизнь ее ни била, а эгоисткой ее никто никогда не называл. Ни в глаза, ни за спиной.

Дорога к счастью

*Но так устроен мир земной
и тем вовек неувядаем:
смеется кто-то за стеной,
когда мы чуть ли не рыдаем*

Евгений Евтушенко

Говорить о здоровье – дурной тон. Еще о политике, религии, воспитании детей. В общем, обо всем, что может вызвать и, скорее всего, вызовет конфликт мнений и интересов. Не стал бы и я говорить с вами на запрещенные темы, но состояние моего здоровья, точнее, памяти тревожит не на шутку. Ее капризы заставляют все чаще записывать каждую мысль, чтобы ничего не растерять по дороге.

Мне казалось естественным не помнить одноклассников после тридцати лет выпуска из школы. Не сильно тревожил и тот факт, что порой меня окликали люди, обстоятельства встречи и знакомства с которыми не удавалось воссоздать впоследствии. Мало ли как бывает? У всех память устроена по-разному. Кто, как пограничный пес, раз встретив человека, прочно закладывает в память все обстоятельства встречи и личность собеседника, а кто, как я, сосредоточившись на чем-то важном длительное время, впитывает в себя столько информации, что она вытесняет из памяти сведения, в которых долго не было нужды. Кажется, так или примерно так

работают современные смартфоны, выгружая прочь давно не используемые данные и приложения.

Наткнувшись на старый пожелтевший журнал в домашнем архиве, я с улыбкой начал читать статью, писанную еще по моей прежней профессии. Если вам приходилось читать записки душевнобольного марсианина, то мое состояние оценить будет несложно. Я не понял оттуда ни слова! Но и этот прискорбный факт не вызвал во мне огромной тревоги. По-настоящему я испугался лишь тогда, когда с большим трудом вспомнил шифр от сейфа – комбинацию из восьми цифр, которую я обычно ввожу, как минимум, два раза в день. Холодный пот тек ручьями по спине, пока я таки вспомнил нужные цифры. Это событие и заставило признать непреложный факт, что в моей памяти образовалась огромная брешь, и что вымоется, утечет в необъятные воды океана в следующий раз – одному богу известно.

Ко всем бедам, я также стал видеть настолько яркие сны, что не могу по прошествии времени разобрать, что было явью, а что пригрезилось в царстве Морфея. Зная реальное положение вещей, я не стал бы класть голову на плаху, уверяя читателя в абсолютной подлинности истории, рассказанной ниже. Спешу лишь скорее закрепить ее на бумаге, дабы оставить в памяти такой, какой она помнится на сегодняшний день.

Начало этой истории следует отсчитывать с 2000 года. Я тогда служил управляющим банка «Эпсилон» в городе

Энске. Большая часть текущих дел происходила без моего непосредственного участия, высвобождая время для развития стратегических проектов. Но в редких, исключительных случаях красный огонек на коммуникаторе возвращал к ежедневной рутине.

Одним погожим днем меня попросили спуститься в переговорную для VIP-клиентов. Пара, сидевшая в креслах в ожидании встречи, была одета изысканно, но без лишней вычурности, подчеркивая отменный вкус и значительное состояние. Молодой человек представился Дмитрием Ворониным, сидевшая рядом девушка – Юлией Ворониной, соответственно. Дмитрий и Юлия пояснили, что тревожат меня из-за крайне значительной суммы, исчисляемой десятками миллионов долларов, и хотели бы, кроме счета в банке, получить некую финансовую консультацию.

Я расположился в своем кресле у окна и весь обратился в слух. Умение внимательно, заинтересованно слушать от начала до конца – одно из самых сложных искусств в нашей работе. Чаще всего молодой сотрудник перебьет говорящего, поясняя ему что-то по ходу, расхваливая банк и его услуги. Я же, как и полагается матерому волку, слушал, как слушает верный пес исповедь хозяина. Больше всего говорил Дмитрий. Юлия молчала, но я инстинктивно чувствовал, что босс в этом доме носит юбку. Я разглядывал ее, впрочем, на себе также ловил ее внимательный взгляд. Так, пожалуй, два незнакомых хищника издали осматривают друг друга,

чтобы составить впечатление как можно лучше и полнее. Дмитрий тем временем перешел от вводной части (букетно-цветочного периода) к самой сути и переключил внимание на себя.

Мечта многих иметь состояние, исчисляемое миллионами долларов, легко объяснима. Кто бы что ни говорил, но лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Нам же, банковским клеркам, чужие состояния – штука привычная, мы относимся к ним, как к дождю или снегу на улице, то есть как к чему-то обыденному и естественному.

Дмитрий хотел вложить семейный капитал, как я понял, доставшийся им в наследство, в перспективный и быстро развивающийся IT бизнес. На сегодня такие компании зарабатывают миллиарды долларов, выплачивая реальным разработчикам не более, чем повышенную заработную плату. Вся же прибыль оседает у небольшой кучки владельцев, имеющих выход на реальных заказчиков из крупных корпораций.

Идея состояла в создании хаба – пространства, где фрилансеры могли бы объединяться в команды на принципиально лучших условиях. Работа с таким хабом обеспечивала бы команде половину поступающих средств, а вторую половину забирал бы Дмитрий, обеспечивая продвижение площадки среди крупных фирм-заказчиков. Получалась такая «плавающая» компания с переменным персоналом, но такое новаторство могло быть очень успешным, так как размер гонора-

ров мог привлечь лучших из лучших. От банка требовалось принимать средства на счет компании с личных счетов и при необходимости рефинансировать ту или иную сделку на этапе реализации.

Риски здесь были минимальны, и я пригласил специалистов для организации технического процесса. Быстро обменявшись визитками, менеджеры банка пообещали выслать клиентам проекты документов в ближайшее время. Все было сделано за день, но больше мы о Дмитриии и Юлии ничего не слышали. Не было обратных звонков ни через день, ни через неделю. Я был удивлен произошедшим, но не более того.

Примерно через месяц я был на встрече в деловом клубе, где владелец автосалона «Бентли» рассказывал о странной парочке, присматривающей у него два самых дорогих спорткара. Вроде все детали были обсуждены, но сделка все никак не клеилась. Я попросил описать пару подробнее и без труда узнал Дмитриия и Юлию. На описание откликнулись еще ряд топов из офисного центра и спортивного клуба, ставших жертвами этих ребят. Хотя в чем была жертва, никто толком не понимал. Они ничего не крали и не требовали вперед. Один-два визита, час-полтора потерянного времени – вот и весь убыток. Не считая бесплатного кофе, разумеется. Но не за кофе же ходили к нам столь хорошо одетые люди! Ситуация стала таять, ускользая от моего внимания.

Примерно через год наш банк приобрел другой, чуть поменьше. Вместе с покупкой нам достался небольшой порт-

фель проблемных кредитов. Пересматривая его, я обнаружил весьма немолодую супружескую пару, которая, взяв кредит под залог трехкомнатной квартиры, решительно терпела фиаско. Я пригласил их в банк по телефону, пытаясь разобратся в ситуации без посредников.

Пожилая женщина что-то долго пыталась объяснить, заглядывая в глаза, как нашкодивший щенок. Она перебивала сама себя и старалась увидеть хоть капельку сочувствия. Вид посетителей выдавал давно испытываемую нужду. Одежда висела мешком, а впалые щеки явственно подтверждали, что голод давно и прочно прописался в этой семье. Периодически женщина доставала кошелек и смотрела на фотографию, вставленную в отделение для документов. Мужчина был молчалив. Дав высказаться супруге, он молча положил на стол оригиналы документов и ключи от квартиры. Его жена сразу сникла, будто прямо при ней последняя надежда ушла на дно. Такое порой можно увидеть под реанимацией, когда выходящий доктор разводит от бессилия руками. Мужчина аккуратно потянул супругу за руку, и пара вышла за дверь.

Что сказать? Я расстроился. Я не могу не забирать залоги по просроченным кредитам, но видеть человеческую трагедию мне больно так же, как и любому из вас. Поднявшись за виски, припасенным для сложных жизненных случаев, я увидел кошелек, вероятно, забытый недавней посетительницей. Быстро набрав охрану, я попросил на пять минут

задержать гостей внизу. Схватив бумажник, хотел передать его через секретаря, но выпавшая оттуда фотография Димы и Юлии резко изменила мои планы. Я сам спустился вниз, придерживая фото рукой.

Увидев недавних гостей, я сильно пожалел об опрометчивом поступке. Похоже, происходящее подарило им мнимую надежду на благополучное разрешение ситуации, но протянутый мной кошелек быстро все разъяснил. Если мне когда-то придется отвечать перед Божьим судом, ту минуту мне точно вспомнят. Не то, что я забрал квартиру за долги, нет. Мне вспомнят надежду, помимо воли на долю секунды подаренную двум старикам и снова забранную назад. Погладив фото, женщина сказала «детки» и положила его в карман. Кошелек небрежным жестом был отправлен в урну. На улице стояла небольшая тележка на колесиках. Запрягшись в этот нехитрый скарб, старики ушли прочь. Я видел, как они шли, чуть касаясь пальцами друг друга. За время работы в банке, как и в больнице, безусловно, можно привыкнуть к человеческим трагедиям. Но плюньте в лицо тому, кто скажет такое. Нельзя! Я не мог найти себе места, брался за телефонную трубку и снова клал ее на рычаг.

Со службы в банке я ушел через пару лет и стал заниматься IT. Во многом, если хотите, я реализовал идею Димы и Юлии. Но, увольте, встретить их я более не ожидал.

Наша переговорная хорошо просматривается на мониторе в моем кабинете. На Диме и Юле была стильная одеж-

да, правда, я точно помню именно ее же на нашей первой встрече. Я хотел было вбежать и выставить ребят за дверь, но остался смотреть шоу у монитора. Дима что-то усердно вещал одному из моих топов, а Юля разглядывала его, делая умное с хитринкой лицо. Она разглядывала его, как разглядывают машину перед покупкой, внимательно отмечая детали. Он также первое время не сводил глаз с гостыи, пока Дима не отвлек его сутью предложения. Исход процесса не оставлял сомнений – я был уверен, что ребята получат документы и растворятся в небытие.

Выйдя на улицу, я стал неподалеку от входа. Вопрос был личный, и я хотел подойти к паре, как будто встретив случайно, дабы передать привет от двух выселенных стариков.

Мне навстречу шли двое: Дима и Юлия. Брат и сестра, муж и жена? Я, кстати, так и не знаю до сих пор. Неважно. Они чуть-чуть касались друг друга пальцами и были счастливы. Это было видно по лицам, по воздушной походке. Завидев таких людей, мы зачастую улыбаемся в ответ и продолжаем путь, вспоминая о чем-то своем, радостном и приятном. Я не виню себя, что остался стоять в тени. Потом долго думал об этом. Кто я такой, чтоб портить счастье ребят, оплаченное жизнями двух стариков?

Да, вот еще что. Хотите – верьте, хотите – нет, но после, мне часто снится сон, где меня выселяют с тележкой на улицу, и я толкаю ее вперед по оставленному стариками следу.

JAG
ÄLSKAR DIG,
AGNETA!

Эрнесто

*Я кричу тем немногим, кто земные
Тревоги на спасительный остров
Решил променять: лучше быть
Одноногим, чем быть одиноким,
Когда скучно и грустно,
И некому руку пожать
«Остров сокровищ»*

Вы думаете легко быть сиротой? Даже если ты родился в такой преуспевающей стране, как Швеция, и живешь в самом что ни на есть современном детском доме со своим бассейном, площадкой для большого тенниса и компьютерным классом, все равно ты сирота. Это как родиться без ноги или руки, и сколько игрушек тебе потом ни покупай, как ни окружи заботой и вниманием, тебе будет не хватать недостающей части тела каждую секунду бытия.

Эрнесто был тем самым сиротой, и сейчас, когда двери огромной фармацевтической корпорации растворились перед ним – юным биологом, он чувствовал, как не хватает родителей, встретивших бы его овациями по случаю первого трудоустройства. Что стало с ними и как он очутился в детском доме, оставалось полной тайной. Чиновники что-то напутали или потеряли, и даже сейчас, когда он имел право узнать о себе все, не могли толком ничего рассказать. Его

вроде и не подкинули, однако данные о родителях отсутствовали напрочь. Но такое безалаберное отношение чиновников не стало для Эрнесто серьезной раной – сирота и не такого натерпится за свою жизнь.

Первый день работы, а значит, свой собственный доход, а не помощь государства. Значит, вскоре свои деньги, тратить которые можно, не согласовывая ни с кем и не посылая унижительный отчет в органы опеки. Стабильная работа открывала путь к собственному дому, хоть и с огромной ипотекой в придачу. Но в сегодняшние дни экономика преподносит поистине чудеса, и нулевая процентная ставка превращала ипотеку в простую рассрочку, выданную на двадцать лет. Ты просто платишь как аренду некую сумму в месяц, а через двадцать лет дом уже твой.

До права получить заветные ключи оставался всего лишь месяц, так как возможность обратиться в банк за заветным жильем возникала после первой зарплаты. Для многих такой месяц длился бы вечность, но только не для нашего Эрнесто. Он еще с детских времен, проведенных в приюте, научился скрашивать серые будни мечтами, часами просиживая у окна и представляя себя повелителем драконов или рыцарем круглого стола. А еще – что, согласитесь, немаловажно – хорошо провести этот месяц помогала секретарша босса Агнета. Симпатии босса к Агнете и ее холодность ко всем остальным мало смущали нашего сиротку. Эрнесто засматривался на нее и мечтал, как славно они могли бы проводить время

вдвоем в его новом доме, который он обязательно вскоре получит. Что Агнета променяет внимание босса на любовь молодого сотрудника, ни капли не вызывало сомнения у разгоряченного любовника, а мечтать, как говорится у нас в Швеции, не запретишь никому.

Пришедшая на второй неделе работы весть, что части сотрудников придется принять участие в форуме сторонников неукоснительной защиты природы, разнеслась по компании быстрее, чем вылетает спущенная с металлического поводка пробка из бутылки шампанского. Неделя бесплатного отдыха, где единственной работой будет соглашаться с каждым «зеленым» и так же, как он, требовать немедленных мер по улучшению экологической обстановки, была бы подарком для любого офисного клерка. Эрнесто даже всерьез не рассматривал себя на эту роль, будучи полностью уверен в бесперспективности таких надежд. Но видно, босс предпочел «пожертвовать» самыми незанятыми сотрудниками фирмы, и письмо с приглашением быть на корабле «Франсуаза» гре-ло сердце молодого человека.

Сердце, согретое письмом, надеждой на скорый дом и любовь Агнеты, вдруг по-настоящему раскрылось и засияло лучами так, что даже самый серьезный прохожий бросал на Эрнесто одобрительный взгляд и приветливо улыбался в ответ. Жизнь как будто рассчитывалась с молодым человеком за его сиротское прошлое, за отнятую часть тела и дарила подарки один за другим, услащая встревоженную душу.

Хлопоты сборов были недолги. В таком возрасте сирота еще не успевает обзавестись кучей ненужных вещей, а все нужное всегда умещается в один дорожный саквояж. На высвободившиеся деньги (ведь неделю будут поить и кормить за счет фирмы) Эрнесто заказал красивый букет роз для Агнеты, прикрепив к нему робкую любовную записку, и прибыл в порт.

Лайнер кишел разодетыми людьми, и казалось, что все сливки общества рвутся страдать за экологию. Непривычному к излишествам Эрнесто, корабль, и все происходившее на нем, казались приключениями Алладина, попавшего в «Пещеру Чудес». Шампанское лилось рекой, и крики чаек приятно оттеняли седьмую смену блюд за королевским ужином. Чуть захмелевший молодой сотрудник фармацевтической корпорации даже позволил себе немного погрозить кулаком кому-то невидимому и сказать, что если жизнь готовила для него что-то столь прекрасное, то можно было намекнуть, а не держать его столько лет в горьком неведении.

После Эрнесто повалился спать, так как шампанское – штука коварная и рубит, в отличие, скажем, от шведской водки, мигом, а не медленно и степенно погружая в забытие. Проснулся он от того, что кто-то гладил его по щеке нежным прикосновением. Спросонья он даже произнес имя Агнеты и потянулся руками, но упершись в песок, подпрыгнул вверх, как ужаленный змеей. Он вдруг увидел себя по колено в воде на берегу некоего острова, почему-то в костюме,

надетом им к вчерашнему ужину.

Естественных два вопроса в данной ситуации вертелись на языке: где я и как тут оказался? На второй вопрос мозг, как он ни был встревожен, ответа не давал никакого. Сам ли выпал за борт или произошло кораблекрушение – все было как в тумане, все старательно вытерто ластиком и залито черной краской. Эрнесто поднялся и решил идти по периметру, обходя неведомое пристанище. В поисках следов цивилизации он шел и шел, пока солнце не стало садиться за тучи. Голодный и мучимый жаждой, он вновь упал на берег. Засыпая, он вновь погрозил кому-то невидимому кулаком и провалился в сон.

Наутро Эрнесто углубился внутрь острова. Обследование вскоре привело его к озеру с пресной водой, где можно было умыться и утолить жажду. Обилие фруктов на острове и устриц вдоль береговой полосы отодвигало вероятность погибнуть голодной смертью на весьма отдаленный срок. Остров оказался совсем небольшим – где-то километров двадцать в периметре, если верить уставшим ногам. Видно, он откололся когда-то от более крупного куска земной суши или извержением вулкана был поднят с океанского дна. На острове гнездились птицы, вдобавок к которым из живности была только разновидность мелких оленей, непонятно каким чудом заселивших этот клочок земли. Человека олени не боялись вовсе, а разглядев в нем удивительную способность гладить по голове и аккуратно пальцем нажимать на черный ко-

жанный нос, они полюбили Эрнесто как короля или родную маму (тут понять было сложно).

Ситуация была, прям как в бесчисленных романах: один на необитаемом острове, в относительной безопасности и с доступной едой, но практически без всякой надежды на спасение. То, что за ним не отправят на поиски королевский флот Швеции, Эрнесто понимал, как само собой разумеющееся. Подняв голову, он увидел в небе, как тают его дом и ипотека, тает образ Агнеты, и горько заплакал. Те, кто скажут, что мужчины не плачут, солгут. Просто зачастую они делают это без слез – слезы тут ни к чему. Олени, успевшие полюбить Эрнесто (он, кстати, еще не понял, как кого), навалились на него гурьбой и стали лизать, пока последняя слезинка не покинула нашего героя. Он встал, обнял их и каждого почесал по голове между рогов.

Как удивительно мало времени дает нам жизнь. Разве может человек за свои годы насладиться окружающим его миром, чтобы после навеки уйти в мир иной? Наговориться с морем, усладиться закатами и восходами, послушаться пения птиц. Мы подчас не знаем, что делать в четырех стенах без просмотра ТВ или социальных сетей. Эрнесто не скучал. Тоска, ушедшая в первый день, не вернулась к нему более ни разу. Может, сказался сиротский опыт, а может, молодая деятельная натура брала верх, но уже десятый год молодой биолог пахал, как папа Карло, на острове, подчас жалуясь оленям, что ему уже давно полагается отпуск. Те слушали

его со всем возможным вниманием и толкали мордочками его ладони.

Десять лет пролетели, как один день. Эрнесто построил вполне приличный загон, облагородив для этой цели найденную им пещеру. Там умещалась вся живность острова, переживая налетевшие бури и ураганы. Оказалось, что в природе в такие минуты все животные могут вполне комфортно уживаться вместе, прижимаясь друг к другу во время особенно сильного удара молнии или грома. Теперь парень был занят наведением порядка среди дикорастущих деревьев, рассаживая их так, чтобы они не мешали расти одно другому. Он тщательно убирал все засохшие ветви, сбрасывая их в одну из немногих найденных ям.

Порой цивилизация также давала знать о себе, прибывая к берегу пластиковые бутылки и иной мусор, так бездумно выбрасываемый человечеством в океан. Эрнесто обходил прибрежную полосу, старательно собирая все эти «плоды» и определяя их впоследствии в ту же яму. Он вынимал занозы из оленей и подавал птицам выпавших птенцов. Под вечер он падал на землю и, согретый набежавшими оленями, предавался сну. Снилось ли ему Агнета? Не будем скрывать: да. Но эти сны закончились к концу еще первого года, не ввергая его в смущение более. Ее образ как-то растворился, рассыпался. Теперь сны приносили только вести из жизни сегодняшней. Он видел оленей, птиц, а еще море и солнце – два вечных спутника его островной жизни.

За десять лет на суше он вполне мог продвинуться по службе, жениться на Агнете, утерев нос боссу, и завести детишек. Он выплатил бы уже половину ипотеки за дом и взял бы новую – на машину. У него был бы вполне приличный пивной животик и круг друзей, с которыми можно было бы коротать выходные. Сама мысль об этом казалась ему противной до жути. Ведь солнце только для него озаряло мир, в котором он чувствовал себя матерью и королем одновременно, а океан только с ним делился своими сокровенными тайнами. Десять лет на острове сделали бронзовым цвет его кожи, и мускулы переливались так, что ни одной лишней жиринки не могло затесаться на точеном теле.

Судьба, которой он неосмотрительно дважды грозил кулаком, преподнесла ему, сироте, самый что ни на есть волшебный подарок. Она подарила ему новый мир, где не было сирот, тревог, дефолтов и банкротств. Где у него было свое королевство, своя семья, вечно нуждающаяся в нем и вечно оплачивающая счета теплом и любовью. Тот мир ушел в небытие, и Эрнесто чувствовал себя на острове, как бабочка, выбравшаяся из куколки. Створки окружающего его старого мира облетели шелухой, и вновь открывшийся новый мир был прекрасен. Эрнесто даже позволил себе в третий раз погрозить судьбе и, усмехнувшись, лечь спать, убаюканный мелодией прибойя.

Единственные, кто никак не хотели вписываться в идиллию островной жизни – это комары. А если смотреть точ-

нее, как биологи, то комарихи. Ведь только они наделены колюще-сосущим аппаратом и любят укусить в самое нежное место. Десять лет ничем серьезным такое внимание комаров для Эрнесто не заканчивалось, но набегавший озноб раз за разом говорил о малярии, а значит, что и дни его романтической жизни сочтены. Ничего похожего на хинин на острове не водилось, и чувство, что грозить судьбе не стоило ни первый, ни второй, ни тем более третий раз, стало явственным и очевидным.

Забывье и лихорадка все чаще сменяли минуты бодрствования, и Эрнесто всерьез задумался о смерти. Его страшил, как водится, не сам процесс остановки жизни. За десять лет он привык к тому, что его лесные подданные уходили, а им на смену появлялись новые. Эрнесто вдоволь наговорился с океаном и был уверен, что познал больше тайн жизни и смысла восходов и закатов, чем многие прожившие сотню лет в мегаполисе. Но как бы это ни было странно, ему страшно не хотелось кануть в неизвестность, как канули его родители. Рано или поздно кто-то найдет остров и узнает, что гражданин Швеции жил здесь и был счастлив вместе со своими верноподданными. Пусть кто-то расскажет его историю миру, дополнив уже изданные приключенческие романы. Пусть помнят о нем, что он был!

Оставшимися от болезни силами Эрнесто чеканил на камне надпись найденным куском железной руды, но после, прочитав выбитое, выбрасывал в море плоды своего труда. Бо-

лезнь вскоре отпустила измученное тело, но явно только для последнего рывка. Он жил, но перед его глазами уже виднелся мир иной, с реками, текущими с небес, и океаном из туч и облаков. Он наконец закончил свой труд и опустился на камни с тяжелой одышкой.

Животные тонко чувствуют смерть, как и зарождение новой жизни. Олени вышли к нему, трогая сухую кожу своими мокрыми носами, а птицы сидели на ветках и пели самую красивую песню. «Так умирать может только король», – подумал Эрнесто. Не в душевной палате с капельницами и безразличными сестрами, а здесь, у океана, когда только набегаящие волны колыбели жизни ласкают руки, а мир желает тебе новой жизни, счастья и гармонии в твоей следующей ипостаси.

Если в чем судьба и была несправедлива к нему, то последнюю волю она выполнила сполна. Через несколько лет после его кончины проплывавшее мимо судно зашло на необитаемый остров пополнить запасы пресной воды. Там матросы и нашли человеческие кости у камня с выбитой надписью. На камне виднелось буквально одно предложение: «Я люблю тебя, Агнета». Более моряки не нашли ничего. Камень и сейчас существует, его бережно перевезли и разместили в королевском музее Швеции. Еще из странностей – что как только шлюпка с моряками и камнем отчалила от берега, вся живность острова, какую ранее было незаметно, высыпала на берег и стояла там, пока моряки могли различить

удалявшийся от них остров.

Но рассказням моряков никто не поверил: мало ли что болтают на суше покорители морей! Камень же разместили на постаменте, и подводя очередную экскурсию, рассказывают о шведском Ромео и Агнете. Не верьте в эту чушь, меня звали Эрнесто!

Завещание

*Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся*
А. С. Пушкин

Зачем люди пишут завещание? Странный вопрос, скажет читатель. Чтобы высказать свою последнюю волю касательно имущества – как поделить его после смерти. Закон, предусматривающий раздел имущества в равных долях между родственниками, далеко не всегда отвечает чаяньям и желаниям уходящих в мир иной. Бывает, скажем, что дети бросили стариков, и абсолютно чужие люди ухаживают за ними, справедливо рассчитывая на вознаграждение по результату трудов праведных, бывает и по-другому.

Исключительно теоретически всегда можно представить, что незадолго до смерти человек продает все свое имущество и тратит нажитые капиталы на лично им выбираемые цели без остатка. Никакой закон не запрещает ему сделать именно так. Однако при этом завещатель не может лишиться права на наследование лиц, которые имеют право на обязательную долю в наследстве. Парадокс. То есть пропить, прогулять все при жизни человек может, может продать или подарить все свое имущество третьим лицам, но после смер-

ти уже распорядиться своим майном самостоятельно мешает закон. Чем руководствовался законодатель, принимая такую норму, остается загадкой, но факт есть факт.

С другой стороны, какая, по сути, разница, что будет с твоим имуществом и деньгами, когда ты покинул подлунный мир? Славят ли тебя, воздают ли почести, или ты канул, поглощенный всеобщим забвением? Все это мирское, имеющее тот или иной смысл, пока ты жив. Но вот уж нет тебя...

Знаете, а ведь уже давно известно, что свет и тень – вовсе не две противоположности. И свет вовсе не борется с тьмой – они являются частями единого целого, частями нашего мироздания. Крошка-ребенок, едва появившись на свет, уже создает тень, поглощая лучики солнечного света. Единственное, что действительно находится в постоянном антагонизме – это любовь и эгоизм. Вспомните, например, маленькие трагедии Пушкина: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Каменный гость». Каждая из них, написанная, казалось бы, на абсолютно разные темы, является проекцией извечной борьбы любви с эгоизмом.

«Он бредит о жене похороненной!» – восклицает женский голос, повествуя о Председателе в конце трагедии «Пир во время чумы». «А ныне сам скажу: я ныне – завистник» – говорит Сальери о себе. «Я гибну – кончено – о донна Анна!» – восклицает Дон Гуан, прощаясь с миром. Была ли искренней любовь Дон Гуана к донне Анне? Кто знает? Может, это была просто очередная победа сластолюбца и обольсти-

теля, превратившего свою жизнь в охоту за прекрасной половиной человечества. А может, это первая по-настоящему сильная любовь. Александр Сергеевич не говорит об этом. Поступок Командора, явившегося каменной статуей на зов Дон Гуана – это его эгоизм или справедливое возмездие? В том и заключается талант автора – не давать ответа ни на один вопрос, заставляя читателя думать, переосмысливать прожитое.

Вот строки из «Скупого рыцаря»: «Я царствую. Но кто вслед за мной примет власть над нею? Мой наследник!» – восклицает старый барон над сундуками с золотом. С кем мы – со старым бароном, дрожащим над каждой копейкой, или с молодым Альбером, стремящимся промотать родительское состояние? Любовь и эгоизм схлестнулись между собой в неравной битве. Порой бывает трудно разобрать, где любовь, а где ее альтер эго. «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил...» – это потребность в любви – в целом абсолютно нормальное, естественное человеческое чувство, или махровый эгоизм пожилого человека, спекулирующего текстом своего завещания?

Безмерная любовь «Папаши Горио» Оноре де Бальзака к своим дочерям – это глупость, угробившая впоследствии жизни его и дочерей, или всевышний просто «наградил» непомерным эгоизмом дочерей отца Горио, и его любовь здесь ни при чем? Может ли безмерная любовь порождать

эгоизм? С большой вероятностью – да, скажем мы из собственного жизненного опыта. Вернее всего эгоист вырастет там, где в ребенке не чают души, стараясь предугадать его малейшее желание. Хотя, конечно, иногда эгоисты вырастают не из-за излишнего внимания. Порой просто человек сталкивается с неразрешимой для него жизненной ситуацией, как Сальери столкнулся с талантом Моцарта, и глубоко дремавшая в душе порочная сила находит свой выход.

Вероятно, излишняя, безмерная любовь перестает быть любовью как таковой, превращаясь в некое эгоистичное желание наградить своего наследника всеми несметными богатствами и излишествами. Вот вспоминаем мы свой трудный путь. Пусть наше чадо минуют тяготы брэнной жизни, доставшиеся нам с лихвой. «Я бы хотел, чтобы, когда придет твое время, все ниточки были в твоих руках. Сенатор Корлеоне, губернатор Корлеоне или вроде того», – говорит Вито Корлеоне своему сыну Майклу («Крестный отец»). Это любовь отца к сыну или попытка потешить собственное я «крестного отца», подсластить свой эгоизм, насладиться сыновним успехом как очередной победой в бизнесе или войне?

Собаке все равно, на чем спать – на обычной подушке или специальной от собачьего «Дольче Габбана», но мы порою балуем своих питомцев. Это мы балуем их или себя? Старички считают копейки на кассе, собаки пухнут с голоду в приютах, и в то же самое время мы тратим деньги в виртуальных

играх, покупая меч, против которого не устоит ни один щит, и щит, который не дано поразить ни одному мечу. Не является ли это крайним проявлением эгоизма?

Все изложенное выше, к моему глубокому сожалению, приводит к мысли, что таки мой изначальный посыл был неверен. Правда, похоже, такова, что любовь и эгоизм, как свет и тень, есть части одного великого единого целого. И любая победа в борьбе, излишняя любовь, излишнее себялюбие – это есть беда человечества. Вероятнее всего, мы способны жить лишь при гармоничном сочетании света и тени, любви и эгоизма. То есть губительны не сами чувства и явления, а отсутствие между ними баланса, поддерживающего некое равновесие. И как бы все внутри ни протестовало, мы в который раз пришли к закону «О единстве и борьбе противоположностей», воспетому еще Гераклитом, Кантом, Гегелем и Марксом. Тот самый закон, что стоит выше законов физики, проистекающих из него. Скажем, классический пример работы центробежных и центростремительных сил – Луна, обращающаяся вокруг Земли – также совершает свой путь во славу закона «О единстве и борьбе...»

Так зачем же люди пишут завещания? Можно ли сказать, что завещание – это реквием, заупокойная месса, только написанная самому себе? При жизни, разумеется. Стандартное завещание лишь дает указание, как поделить материальное. Музыка, картина, книга, построенный дом, посаженное дерево, рожденный ребенок – это тоже наше завещание миру.

Зачем это все? Мы могли бы играть для себя, писать для себя, обойтись без детей и картин. Но раз мы все это делаем, значит, не можем или не хотим жить без этих «излишеств».

Художник, красками рожающий нечто прекрасное на куске холста, пишет свой реквием, оставляя мысли и образы в наследство для грядущего мира. Жизнь и смерть схлестнулись в невидимой схватке единства и борьбы, рождая то, что мы привычно называем «просто жизнью». Не будь смерти, отпала бы необходимость (потребность) в детях, книгах, картинах, музыке. Но было бы такое существование жизнью в привычном для нас смысле, большой вопрос. Мы живы только потому, что рано или поздно уйдем, как различаем тень лишь оттого, что есть свет и есть предметы, поглощающие солнечные лучи. Потому, пожалуй, и беремся мы за карандаш, набрасывая текст под заголовком «Завещание». Нам важно успеть еще пожить, насладиться красками Солнца,

Луны и дарами природы. Нам важно еще пожить, а значит, мы вынуждены думать о смерти.

В минуты самой тяжелой хандры, когда кажется, что жизнь порядком опротивела, а смерть была бы желанным другом, сядь за лист бумаги. Напиши, чтобы не было длинных распрей наследников, как поделить твой нехитрый скарб. Но пиши в документе сем не только о сарае и жигулях. Помяни, как водится, те мысли, что надумал за свою жизнь, к каким выводам пришел. Раздели их между наследниками.

Напиши о любви, которую довелось познать, будь она любовью к женщине или братьям нашим меньшим. Раздели между наследниками и то, что не довелось познать и увидеть. Напиши о неувиденных водопадах и вершинах гор, о непознанной дружбе и радостях побед, напиши обо всем, что не свершилось и не удалось, и подели все поровну.

Думаю, практически уверен, что ничего более жизнеутверждающего никому ранее писать не приходилось. Удиви нотариуса! И когда он начнет «чесать репу», с беспокойством пытаясь разглядеть в тебе первые признаки буйнопомешанного, ты уже будешь далеко от пыльного стола с бумагами. А вы говорите: Гражданский кодекс Украины и наследование по завещанию (глава 85)!

Молодые люди, порой еще не достигнув и двадцати пяти лет, сводят счеты с жизнью, узрев перед собой исключительно путь страданий. «Зачем?» – оставляют они прощальную записку с одним словом, пряча за этой пошлостью страх жить дальше. В Японии же, например, детей еще в младших классах учат умирать, говоря им о том, что не нужно бояться такого исхода. К нему все придет рано или поздно, потому что жизнь и смерть, как свет и тень, есть части одного великого целого. Вот и приходит непрощенная мысль, что излишний страх перед кончиной приводит нас к недостаточной любви к самому важному и дорогому подарку – жизни. И раз завещание – путь борьбы с этим страхом, то вот он – мой реквием...

Ломбард

*Тогда, когда любовью с нами нет,
тогда, когда от холода горбат,
достань из чемодана пистолет,
достань и заложь его в ломбард*
Иосиф Бродский, «Романс скрипача»

Илюша Непомнящий – уважаемый бизнесмен и семьянин, страшно не любил воскресные дни. Его пристрастием был пятничный вечер, подчеркивающий закончившуюся трудовую неделю, а вместе с ней и полное завершение всех рабочих тревог. Тяжелая пятерня, сжимающая сердце в ожидании горестных новостей, сыплющихся с завидной регулярностью со всех сторон, на миг отпускала, и душа рвалась в полет, как птица, вырвавшаяся из клетки, а тело требовало утех плотских.

Стрелки часов показывали шесть после полудня, но еще час Илья не мог найти себе места, мечась по офису и проверяя e-мейл на предмет запоздавших писем. Хуже всего получить волнительную новость именно в этот час – тогда отреагировать, исправить ее не будет никакой возможности до понедельника, и выходные будут испорчены горестными мыслями и тревожными ожиданиями. Но силы небесные были благосклонны, и последний час на трудовом посту не принес ничего значимого.

И вот это время, с девятнадцати часов до самого мига, когда голова утонет в объятиях подушки, принадлежало безраздельно

Илюше. Шел ли он в баню, пил ли в пабе с друзьями или ухлестывал за красавицами – не имело существенного значения. Он вел себя, как смертельно больной человек, получивший весточку о своем неожиданном и окончательном излечении. Уже простившись с жизнью, с пением птиц и шелестом облаков, ты вдруг получаешь их в дар опять и первое время не можешь наслушаться, насмотреться и надышаться.

Но время притупляет радость любого, даже самого светлого события, и в субботу наш герой был уже спокоен и размерен. Субботу он проживал, как пресыщенный плейбой, все еще различающий вкус жизни, но привыкший вкушать из ее ладоней исключительно сладкий мед. А утро воскресенья было мучительным. Илья вдруг, без какой-либо причины и повода, начинал раскаиваться за так беспечно проведенные вечер пятницы и субботу, и все муки ада, как марево, висели над его покаянной главой. Он инстинктивно возвращался мыслями к рабочим будням, и все неслучившиеся проблемы, как рифы во время отлива, оголяли хищный оскал, страха своей разрушительной силой.

Мысль о том, что уже скоро, буквально на следующей неделе его бизнес-корабль может налететь на такой риф и остаться висеть на нем вечно, пугая проплывающих мимо разлагающейся на солнце оснасткой и скелетами на палубе,

внушала неподдельный ужас. Предательская мысль кинуться в морские пучины или вздернуть себя на рее, не дожидаясь таящихся в будущем мук, не раз стучалась к Илье. Он всячески пытался успокоиться хотя бы тем, что вздернуть себя на рее не поздно никогда, и он, безусловно, сделает это при необходимости, но это притупляло боль лишь отчасти. Страх грядущих проблем угасал, потихоньку уступая место жалости и тоске.

Непомнящий вдруг жалел, что не является глубоким седым старцем, прожившим жизнь достойно, сидящим у горящего очага в окружении детей и внуков. В таком случае он мог бы с приличествующим достоинством взирать на свое наследие, понимая, что его рифы и мели остались далеко позади, и его дело – только вкушать заслуженное уважение потомков. Но сознание тут же рисовало взамен муки старости с ее болезнями и одиночеством, и вновь хотелось стать молодым, лучше всего студентом третьего курса, когда ты уже не прыщавый юнец и чувствуешь себя в стенах альма-матер вполне комфортно, а до пятого курса еще далеко, и можно не думать о будущем трудоустройстве. Легкая нехватка денег в эту пору компенсируется недюжинной энергией, гормонами, плещущимися в крови безбрежным океаном, простыми понятными желаниями, как полюбить всех женщин мира, по крайней мере, молодых и красивых. На смену им, естественно, приходит желание со временем стать успешным солидным бизнесменом со своим домом, яхтой и мерседесом,

неторопливо решающим свои коммерческие дела росчерком пера, с азартом погружаясь в корпоративные войны кейрэцу (крупные финансово-промышленные группы в Японии).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.